

Клюкина О. П.

ЭСФИРЬ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Ольга Клюкина

Эсфирь

«Алгоритм»

2010

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Клюкина О. П.

Эсфирь / О. П. Клюкина — «Алгоритм», 2010 — (Женские лики
— символы веков)

ISBN 978-5-486-03407-1

Ольга Петровна Клюкина — российский прозаик и сценарист, автор ряда исторических произведений для детей и взрослых. В основу данного романа Клюкиной положена библейская история о том, как персидский царь Ксеркс (в Библии Артаксеркс), разгневанный на свою царицу Астинь, изгоняет ее и выбирает в жены сироту из Суз, прекрасную иудейку Эсфирь, которая спасает иудеев от истребления персами.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03407-1

© Клюкина О. П., 2010
© Алгоритм, 2010

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Клюкина

Эсфирь

Глава первая

Рука Артаксеркса

1

... и увидел свою руку.

Персидский царь Артаксеркс Великий открыл утром глаза и увидел свою руку. Царская рука крепко спала, покаясь на белом шелковом покрывале, и от такого соседства казалась на удивление смуглой и темной.

Она чем-то напоминала старую прогретую солнцем дорогу. Точно так же, постепенно сужаясь, рука тянулась вдаль и пряталась за небольшим, покрытым вышитыми цветами холмом, в том месте, где Артаксеркс согнул в колене и слегка откинул ногу.

В ярком луче солнечного света на дороге были отчетливо видны мелкие родимые пятна, похожие на непросохшие после дождя лужицы, и густой пушок волос с рыжеватым отливом – он рос так же вольно, как степной ковыль, и пригибался от каждого могучего вдоха и выдоха.

Артаксеркс пошевелился и расправил ногу: дорога выходила на небольшую равнину. Ему было видно, что она вся изрезана вдоль и поперек голубыми реками и упирается в четыре неровных холма – костяшки пальцев. Молодой царь имел обыкновение даже во сне крепко сжимать руки в кулаки. Сон его чаще всего был коротким и тревожным, особенно если рядом на ложе не было женщины.

...А где-то там, за холмами, раскинулись и сияли во всем своем великолепии прекрасные города. И были в них дворцы со ступенями из чистого золота, башни, украшенные драгоценными камнями и таинственными письменами, лазурные озера. А на среднем холме, самом высоком, возвышался главный город – столица мира, вершина персидского могущества.

Сузы, престольный город Сузы. Город, который в древние времена назывался Зиккурат Шушан в честь бога Шушинака.

«А теперь просто – мои Сузы. Все так и должны говорить: Сузы царя Артаксеркса Великого», – подумал царь.

Он и ночью не снимал с пальцев перстней своего царского отличия и сегодня спросонья увидел их словно издалека, с высоты птичьего полета. Артаксеркс прищурился от яркого солнца и покрутил рукой, любуясь, как дитя, искрами от драгоценных камней, особенно кровавыми рубиновыми всполохами. А потом с задумчивым видом принялся разглядывать золотой перстень с печатью на среднем пальце – тот самый, которым скрепляются главные царские указы.

И при этом царь подумал горделиво: «Вот он – престольный город, крепко зажат в моей ладони. Целиком в моей власти. Я могу уничтожить его, разрушить до основания или вовсе стереть с лица земли. А пустырь засыпать солью, чтобы десятки лет здесь не росла даже трава. Но могу еще больше возвеличить этот город! Выстроить башню до небес, подобную Вавилонской, устроить праздник для всего народа. Чего бы я ни пожелал, все будет исполнено по моему слову! Все жители моего царства, которые этим утром открыли глаза, все они – вот здесь, в моей горсти. Для них я всемогущий бог. Кого хочу – казню. Кого хочу – оставлю в живых. Одного возвышу, другого растопчу в прах».

От таких мыслей Артаксеркс даже улыбнулся. Правда, чуть дрогнувшие уголки его властных губ можно было назвать лишь слабым подобием человеческой улыбки. Артаксеркс приучил свое лицо никогда не улыбаться. Он должен был оставаться для подданных загадочным и непостижимым, как божество.

Что и говорить, он с детства жил не как все, а как великий потомок Ахменидов. Даже ночь редко приносила Артаксерксу главную человеческую радость – благословенный покой. Он слишком хорошо знал, что на Востоке самое худшее с царями, визирями и хранителями казны случается именно по ночам. Артаксеркс помнил об этом с раннего детства, когда во время дворцового заговора его самого чуть не задушил подушкой один из царских стражников. Маленького царевича спас тогда Харбона, верный сторожевой пес...

С тех пор на ложе Артаксеркса никогда не было подушек – ни больших, ни маленьких. Он ненавидел их. Они были его тайными врагами, лежащими наготове орудиями убийства, знаками человеческой слабости и подлости. Артаксеркс привык спать, подкладывая под голову то одну, то другую руку, хотя под утро они порой затекали от неудобной позы. Всем женам и наложницам царя поневоле приходилось мириться с этой мучительной причудой.

Только царице Астинь разрешал Артаксеркс приносить с собой в спальные покои маленькую подушечку из лебяжьего пуха, обшитую темно-зеленым шелком. На ней лицо царицы светилося в полумраке таинственным матовым светом, словно огромная жемчужина.

Что и говорить, красота Астинь считалась одним из чудес Востока, щедрого на всевозможные загадки и диковины. Само имя персидской царицы Астинь – «превосходная» – говорило о том, что прелесть ее превышала все мыслимые представления о женской красоте и была достойна взора царя Артаксеркса.

Шесть дней и ночей продолжались дни великого пира в престольном городе Сузы. Пировал весь народ. Еще несколько дней до этого шли приготовления к празднику, когда во дворец со всех концов света съезжались великие князья. Все это время Артаксеркс не видел царицы Астинь, не призывал ее к себе на ложе. И теперь тело молодого царя томилось и мучилось от желания. Невнятная злость на весь белый свет терзала его сердце. Но нужно дождаться, когда семь старейшин, семь великих персидских и мидийских князей, наконец-то покончат с праздничными речами и с величавыми поклонами покинут царский дворец.

Еще целый день до глубокой ночи Артаксерксу предстояло сидеть в тронном зале со скучными стариками и чинно пить вино. Иначе потом они станут говорить между собой, будто молодой царь променял их, семерых мудрейших, на женщину – одну неразумную жену, и эта весть разнесется по всему свету.

«Астинь, – снова вспомнил Артаксеркс. – После ночи с Астинь, царицей моего сердца, я вскакиваю с ложа, как молодой олень. Не то, что сегодня...

Артаксеркс то сжимал, то снова разжимал пальцы и встряхивал кистями рук, которые одеревенели от напряжения, словно бы сведенные за ночь судорогой.

И вдруг вспомнил про другую руку: легенду про таинственную – не из плоти и крови – кисть руки, которая внезапно появилась в воздухе во время пиршества вавилонского царевича Валтасара. Артаксеркс много раз слышал эту историю в самых разных пересказах – и в благоговейном, и в насмешливом, и как сказку, и как несомненную быль. Но при воспоминании о той загадочной руке ему почему-то всякий раз становилось не по себе.

Разве сделал вавилонский царевич Валтасар что-либо недостойное, не должное царю? Он всего лишь приказал принести на пиршество и наполнить вином сосуды из главного иудейского храма! Его отец вывез когда-то эти сосуды из Иерусалима в качестве военной добычи... Почему Валтасар не имел права всласть попить на золоте и серебре, добытом на честной войне? Почему не мог с царской щедростью раздать иудейские кубки и чаши вельможам, женам, наложницам и гостям, которых собралось на пиру не меньше тысячи? Разве сильнейшему подобает вести себя иначе?

...Но когда все развеселились от вина, в воздухе вдруг появились персты руки человеческой и начали писать против лампы на стене. Вальтасар только один из всех видел кисть этой руки, которая что-то писала, но от страха не смог разобрать ни слова. Сильно изменился в лице царевич, закричал, руки и ноги у него задрожали...

Однажды Артаксеркс спросил об этой истории своего отца, Ксеркса. Тот ответил не задумываясь:

– Никогда не держи при дворце иудеев. Тем более не возвышай их над другими. От надменных иудеев с их Богом Живым много всяких бед случалось. А ведь их Бога никто никогда не видел – хоть изобразили бы его на доске! Но и других иноземцев лучше не приближай к трону. Я сразу так устроил, что в жилах моих главных сатрапов, наместников, верховных судей, казначей, законодателей, блюстителей суда, областных правителей течет только персидская и мидийская кровь. А всех остальных гоню от себя прочь, никого не жалею. Нет в человеке ничего важнее его крови и жил, по которым перетекает знатное родство. Все прочее – выдумки врагов трона. А от богов чужеродных тем более ничего, кроме зла и беды, не дождеешься.

Артаксеркс еще раз пристально посмотрел на свою руку: нет, не бесконечная дорога.

Обычная человеческая рука, слишком человеческая – с голубыми прожилками вен, выпирающей костью на запястье и отполированными ногтями. От рождения его правая рука была длиннее левой, отчего его и прозвали Долгоруким. Старший брат, Дарий, в детстве немало издевался над его уродством.

Но царям нельзя так думать! Царям вообще нельзя думать про время и про смерть. Нельзя пристрастно смотреть даже на собственную руку – ведь следом может прокрасться обычная человеческая жалость к себе, вовсе не всецельному и никак не бессмертному. А дальше – слабость, нерешительность, трусость. И страх. Детский страх перед непостижимой силой, что водит в воздухе чьими-то пальцами и царапает на известке слова о неминуемой участи: мене, мене, текел, упарсин...

А вот и значение слов: «мене» – исчислил Бог царство твое и назначил ему конец; «текел» – ты взвешен на весах и найден очень легким; «перес» – разделено твое царство и отдано мидянам и персам.

«А ведь верно... Нам передано теперь все Вавилонское царство – мидянам и персам», – повторил про себя Артаксеркс, нахмутив лоб.

Он не знал, что в минуты старательных раздумий его лицо выглядит особенно незащищенным, а единственная морщина на лбу еще больше подчеркивает молодость персидского владыки.

Артаксеркс резко поднялся со своего ложа и только теперь понял, что он до сих пор еще сильно пьян после вчерашнего пира – летняя ночь не принесла с собой ни трезвости, ни прохлады. Перед глазами царя проплыл ковер, расшитый разноцветными бабочками, позолоченные солнцем крыши домов в узком проеме окна, кроны деревьев, которые почему-то зашумели совсем близко, будто в спальнях покоя внезапно поднялся ветер. Артаксеркс с трудом удержался, чтобы снова не упасть на свое жесткое ложе, которое слуги называли между собой «военным шатром». Но затем он сделал глубокий вдох, выпятил грудь и выпрямился во весь рост.

Из-за полога с золотыми и пурпурными кистями бесшумно выскользнула фигура Харбоны, самого старого евнуха при царском дворце.

Никому другому, кроме верного Харбоны, Артаксеркс не доверял стеречь свое дыхание во время сна. Так было заведено с той ночи, когда царский евнух воткнул нож в спину огромного, как гора, врага трона, навалившегося на царевича с подушкой. По сравнению с ним Харбона был так мал ростом, что даже не попал предателю в сердце: тот выдал себя диким, нечеловеческим криком. Но жизнь царевича была спасена.

С тех пор Харбона всегда стоял по ночам возле ложа царя Артаксеркса, хотя тот давно вырос, превратился в мужчину, завел себе наложниц и жен. Самый молчаливый евнух во дворце, Харбона каждую ночь таился за царским пологом, не выдавая своего присутствия даже дыханием. Он стоял, прижав к животу кувшин с родниковой водой, которую по утрам подавал испить царю. Такой порядок соблюдался с незапамятных времен. Вода Харбоны не могла оказаться отравленной: евнух непременно пробовал ее сам за несколько часов до рассвета и потом чутко прислушивался, не начнутся ли в его внутренностях внезапные судороги.

Старый Харбона давно был готов в любой момент отплыть на лодке смерти в страну вечного сна и покоя, но его жизнь больше прежнего была нужна царю.

Давно прошли времена, когда по ночам Харбону искушали хитрые и злые дэвы, надавливая ему на глаза и напуская сладкие сновидения. Теперь старый евнух вовсе разучился спать. Никто во дворце не знал, когда Харбона отдыхает. Его невзрачную фигурку в любое время можно было видеть прислонившейся к одной из колонн тронного зала на почтительном, но доступном расстоянии от любимого царя. Нельзя было в точности сказать – то ли он дремлет с открытыми глазами, то ли, наоборот, зорко смотрит по сторонам.

Многие во дворце завидовали высокому положению Харбоны. Он был причислен к семерке главных евнухов, кто мог свободно служить перед лицом царя. Но никто не знал, что Харбона уже почти ослеп. Предметы и лица, в том числе и божественный лик Артаксеркса, он различал нечетко, словно глаза ему завесили тряпичей из серой шерсти.

Зато Харбона видел по-своему – носом и ушами. Никто во дворце не умел так чутко распознавать запахи, посторонние звуки, перемены в погоде, а главное – «ветры настроений» в душе царя Артаксеркса. Харбона различал даже шорох крыльев ночной бабочки, случайно залетевшей в царские покои. А по тому как владыка поднимался со своего ложа, он лучше любого ясновидца мог предсказать, как сложится день в царстве.

Вот и сегодня Харбона сразу же почувствовал: от царя царей исходит какая-то смутная тоска и смятение. Царь дольше обычного ворочался на своем ложе, вздыхал и медлил вставать. Даже родниковую воду Артаксеркс пил без привычной жадности, словно через силу.

Харбона принял из рук царя кувшин с остатками воды, поклонился.

Артаксеркс вдруг спросил недовольно:

– Все молчишь? Что молчишь, старая сова? Скажи хотя бы: ух! ух! ух! А то я давно не слышал твоего голоса, или он в тебе уже умер?

Харбона молчаливо опустился на колени и принялся ловко надевать сандалии на ноги царя. Он без труда на ощупь справлялся с мягкими кожаными шнурками.

Но Артаксеркс отпихнул ногой старого евнуха:

– Убери от меня твои старые руки. На них противно смотреть. Они как две высохшие палки. А пальцы твои похожи на птичьи когти. Прочь от меня, дохлый глупый филин, птица смерти. Я проснулся и хочу вина, а не твоей воды. Много сладкого вина. Что молчишь? Куда подевались все твои наставления?

Но Харбона лишь приложил руку к сердцу и снова отступил за полог, на свое ночное место. Здесь евнух позволил себе озабоченно сдвинуть морщины на своем старом темном лице, похожем на вяленый финик.

Что-то должно случиться. Совсем скоро. Да что там скоро – уже сегодня. Что-то плохое и непоправимое.

Это «что-то» носилось в воздухе так же явно, как колеблющиеся тени в спальнях покоях царя Артаксеркса, куда тихой вереницей заходили слуги с царскими одеяниями, гребнями, утренними умашениями.

Харбона чувствовал приближение бури так же отчетливо, как пряный запах корицы, разносившийся из царской кухни по саду и достигавший даже дворцовой площади.

«Что-то будет, что-то будет, что-то будет», – выстукивало старое сердце Харбоны. Скоро. Нет, уже сегодня. И он ничего не сможет предотвратить, потому что это будет исходить от царя. А его приказания никто не может отменить, ни один человек в царстве.

Если бы царского евнуха спросили, что он имеет в виду, он бы затруднился ответить.

Но про себя Харбона знал: это случится хотя бы потому, что он уже пришел...

2

...последний день семидневного пира.

Наступил седьмой, последний день великого пира, который Артаксеркс устроил для всех жителей престольного города Сузы, от мала до велика.

«У кого с собой дети, пусть первыми проходят на царский пир», – разнеслось утром по дворцовой площади повеление царя.

Крепко сжимая руку Гадассы, чтобы не потерять девочку в толпе, Мардохей начал пробираться к главным дворцовым воротам. Он был высок ростом, плечист, красиво одет. Многие, даже не замечая, что Мардохей ведет с собой ребенка, невольно пропускали его вперед.

Молодой иудеянин по имени Мардохей, сын Иаира, сына Семея, сына Киса, из колена Вениамина, был одним из немногих жителей Суз, кто имел возможность вблизи видеть красоты царского дворца и диковины сада. Но сегодня он пришел на пир из-за своей двоюродной сестры. А лучше сказать – из-за приемной дочери, Гадассы.

Два года и четыре месяца прослужил Мардохей стражником во дворце. Он стоял возле самых дальних и неприметных ворот, в глубине царского сада, охраняя небольшую лестницу возле запасного входа в царский дом на половину евнухов. Тем не менее он был знаком со многими дворцовыми слугами и наслушался немало историй о приготовлениях к великому пиру.

Сегодня выдался день отдыха, и Гадасса с раннего утра стала упрашивать Мардохея сводить ее на пир, показать дворец, озеро с белыми и черными лебедями, сад с ручными оленями. И непременно яму с голодными львами и тиграми, куда по приказу царя бросают преступников и непокорных.

Девочка так разволновалась при мысли, что может всего этого не увидеть, что начала заикаться сильнее обычного. Сам Мардохей не любил ни шумных сборищ, ни многолюдных праздников, но ему стало жалко девочку.

Гадассе недавно исполнилось двенадцать, но она до сих пор была нескладной и смешной, будто дитя страуса. Руки и ноги ее были слишком худыми и длинными, а лицо уже потеряло детскую округлость и казалось сильно вытянутым и вечно удивленным. Некоторые даже считали приемную дочь Мардохея немного слабоумной...

Возможно, это произошло еще и потому, что после смерти дяди Аминадава Гадасса начала сильно заикаться и замкнулась в своем горе от всех людей, кроме Мардохея, своего нового воспитателя.

Не только в Сузах, но и во всем мире не было для нее человека лучше, добрее и красивее, чем Мардохей. Опекун Гадассы жил с женой Марой и двумя маленькими сыновьями – Вениамином и Хашшувом. В его доме и воспитывалась теперь Гадасса.

– Покажи язык и скажи: «Я – козья как... как... как-ка-кашка!» – вот что прошептал Гадассе маленький Вениамин почти сразу же, как она переступила порог дома Мардохея.

Он с удивительным прилежанием повадился перенимать от соседских мальчишек всякие гадости.

«Шоторморг» – «верблюд-птица» – так дразнили Гадассу на улице.

– Страусу сказали: «Неси груз», он ответил: «Я птица». Сказали: «Тогда лети!», он ответил: «Я верблюд», – хихикал Вениамин за столом, пользуясь тем, что Мардохей не имел привычки прислушиваться к детскому шепоту.

Но Гадасса не стала жаловаться отцу на маленького Вениамина. Да и потом она никогда не рассказывала про своих многочисленных обидчиков. Все держала в себе.

И вовсе не только потому, что боялась лишний раз огорчить Мардохея или показаться ему маленькой и глупой. Нет, дело не в этом. У них с Мардохеем был свой, отдельный мир, в котором не находилось места глупостям и недостойным шалостям. И этот лучший из невидимых миров должен был остаться чистым – как виссонная ткань в лавке старого Иаира.

Гадасса не верила, что Мардохей подолгу беседует с ней лишь потому, что таким способом будто бы излечивается детское заикание. Именно так сказала однажды простодушная Мара.

Никто не знал, даже Мара, что Мардохей умел думать вслух в присутствии Гадассы: важно было просто не мешать ему в такие моменты чересчур громкими восклицаниями. Зато в остальное время Гадасса могла без стеснения задавать дяде любые вопросы. Она знала, что он будет отвечать серьезно, обдумывая каждое слово...

– А за...зачем нужен царь? – спросила Гадасса, когда Мардохей наконец-то остановился возле стены, протолкнувшись в отдельную очередь, где стояли только горожане с детьми.

Мардохей огляделся по сторонам и в очередной раз пожалел, что осторожная Мара не отпустила с ним во дворец сыновей: на площади не было никакого беспорядка.

Но Вениамин третий день болел простудой, иначе он все равно побежал бы следом. А вот тихий, курчавый, как овечка, Хашшув больше всего на свете любил сидеть на кухне возле матери и слушать ее голос.

– Зачем ц-ц-царь? – снова спросила Гадасса.

Мардохей посмотрел на нее с удивлением и покачал головой: Гадасса нередко задавала такие наивные вопросы, которые нельзя было услышать ни от Вениамина, ни даже от Хашшува.

– Царь нужен затем, чтобы любить его, – громко ответил Мардохей.

Именно так, как подобает говорить верноподданному престола, царскому стражнику, особенно когда тот стоит в толпе людей.

Через некоторое время Мардохей заговорил снова, но уже тише, задумчивее, улыбаясь каким-то своим мыслям:

– Однажды деревья решили назначить царя и сказали маслине: царствуй над нами. Но маслина не согласилась: «Как я оставлю свое масло, которым чествуют людей и Бога, и пойду скитаться среди деревьев?» Тогда предложили царствование смоковнице, но она сказала: «Разве могу я оставить мою сладость и вкусные плоды ради того, чтобы быть первой?» И виноградная лоза тоже отказалась от власти, потому что не захотела оставлять сок свой, веселящий людей. Наконец, перебрали все деревья и предложили царствовать терновнику. Терновый куст сказал: «Если и вправду суждено мне быть вашим царем, то вы будете спокойно покоиться под моей тенью, а если нет, то загорюсь я таким пламенем, которое сожжет и кедры, и маслины, и виноградники...»

– И что ж было, когда царем стал терновник?

– Пожар и войны по всей земле, – коротко ответил Мардохей.

Гадасса слегка покраснела, а потом приподнялась на цыпочках к уху Мардохея и прошептала:

– Ты... ты снова говоришь со мной как с маленькой. А я ведь не о том. У нас тоже был свой царь, да? И мы должны его любить также сильно? У нас тоже скоро будет новый царь?

Мардохей уже знал, что, говоря «нас», Гадасса всегда имела в виду иудеев. Лишь теперь он понял, что вопрос девочки был вовсе не так уж и глуп.

– Да, у нас тоже были цари – Давид, Соломон, а потом многие другие. А самый первый – Саул. Но это было давно, до плена Вавилонского, когда иудеи еще не жили в рассеянии по всей земле, как семена, разбросанные по ветру...

Но Гадасса словно бы не расслышала последней фразы Мардохея и горечи в его словах про плен и ветер.

– А как... как... каким был Саул, первый царь?

Мардохей пожал плечами. Очередь к воротам двигалась медленно, торопиться было некуда, никто не прислушивался к их тихому разговору.

– Я слышал... Твой отец как-то рассказывал мне, что Саул был самым красивым человеком в Израиле – от плеч выше своего народа...

– Как ты, да?

Мардохей смутился, но потом поглядел вокруг себя: он тоже был выше всех, стоявших сейчас в очереди. Лишь некоторые из мужчин были ему под стать.

Он продолжил, невесело вздохнув:

– Саул и думать не думал, что станет царем. Но его выбрал Господь через провидца, пророка Самуила. Тот узнал его, помазал на царствие и повелел управлять народом. А до избрания Саул был просто сильным и красивым молодым человеком, сыном Киса, из самого малого племени колена Вениаминова.

– Но ведь т-т-т-ты тоже, Мардохей, из колена Вениаминова. Из того же рода, откуда был Кис... Значит, сейчас ты рассказываешь про себя, про свое племя? – еще больше разволновалась девочка.

– Я говорю про наш род, – уточнил Мардохей. – Ты, Гадасса, тоже должна считать Киса и Вениамина своими предками, даже если кто-то попытается тебя в этом разубедить.

Разумеется, сейчас Мардохей говорил о своем отце, престарелом упрямце Иаире, который до сих пор не верил, что Гадасса – родная дочь его младшего брата, и приводил на этот счет множество хитроумных наблюдений. Почему у девочки такой странный разрез глаз – наподобие черных рыбок, как у мидиянок? Почему на персидском наречии она лопочет лучше, чем другие дети? Почему ступни ног у нее короткие и узкие, как у рабынь из стран зыбучих песков? И почему в младенчестве она плевалась буйволиным молоком, а горький жасминовый чай пила с жадностью, будто ничего вкуснее для нее не было?

– Я говорю и про твой род, – упрямо повторил Мардохей, с нежностью глядя на девочку, свою приемную дочь. – Про наш с тобой род, дочка.

Что бы ни говорил отец, Мардохей про себя твердо знал: Гадасса – что-то вроде священного сосуда, который именно ему доверен. Нужно во что бы то ни стало сбереечь его, сохранить для какой-то таинственной и пока неясной цели.

С первых же дней своего появления на свет Гадасса переходила из рук в руки, из дома в дом своих ближайших сородичей. И в этом Мардохей тоже видел скрытый, неразгаданный смысл.

Сначала воспитание сироты взял на себя самый старший из братьев, почтенный Аминадав, которому к тому времени был отмерен лишь малый остаток жизни. Затем девочка перешла к среднему брату, Иаиру. Но, зная трудный, сварливый характер своего отца, Мардохей вскоре взял девочку в свой дом, где у них с женой родились один за другим два мальчика, а дочери пока не было.

Но сейчас Гадассу волновало что-то совсем другое. И волновало так сильно, что от нетерпения она дергала Мардохея за рукав рубашки.

– По-по-получается, что ты, Мардохей, из того же рода, откуда вышли все наши цари? Значит, и ты тоже можешь стать царем, Мардохей? Ведь ты очень-очень, ты больше всех похож на царя! Ты даже еще к-к-красивее, чем Саул, и когда-нибудь станешь таким же великим, как... как... как...

Гадасса снова споткнулась на злополучном слове. Мардохей воспользовался заминкой.

– Нельзя так говорить, – сказал он как можно строже. – Цари иудейские не по родству занимали свой престол, а по выбору Господа. Как только они начали перенимать законы других народов, то сразу же потеряли свою силу. А величие, девочка моя, измеряется вовсе не царской властью, а лишь тем, сколько Духа, дыхания Божьего способен вместить в себя человек, и тут я еще...

Мардохей не выдержал и улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Хотя я и выше всех ростом, я пока что самый малый среди людей. Меня и от земли-то не видно.

Гадасса ничего не ответила, но еще крепче сжала ладонь Мардохея – то ли выражая свой молчаливый протест, то ли для поддержки. Рука девочки была горячей и дрожала от волнения.

– А м-меня видно? – спросила Гадасса и поглядела на небо.

Белые облака медленно плыли в вышине, делаясь похожими то на кудрявых овечек, то на лебедей, то на пушистых кошек, а Тот, Кто их выгуливал по небесам, по-прежнему был невидим и находился где-то выше облаков, немыслимо высоко.

– Тебя видно, – ответил Мардохей, улыбнувшись. – Богу всех детей хорошо видно. Куда лучше, чем взрослых, а особенно...

Он чуть было не добавил: «а особенно сирот», но вовремя прикусил язык.

Мардохей старался как можно меньше напоминать девочке, что она ему не родная дочь, да и по возрасту никак не могла быть ему дочерью.

Все же Гадасса заметно погрузтелла и даже убрала руку из ладони Мардохея.

Больше всего Гадасса не любила, когда он говорил с ней, как с ребенком. От этого куда-то уходила тайна. Что-то самое главное рассеивалось в воздухе, как дым от костра, как дорожная пыль.

Гадасса низко опустила голову, чтобы Мардохей не заметил ее покрасневших мокрых глаз.

– О чем ты задумалась, девочка моя? – ласково спросил Мардохей, наклонясь к Гадассе, и привычно провел по ее волосам большой, теплой ладонью.

– Как бы мне хотелось увидеть вблизи великого царя Артаксеркса, – тихо сказала Гадасса. – Хотя бы раз в жизни. Знаешь, я слышала, что на столе под шатром для детей сделана целая гора из орехов, склеенных медом. К-к-как ты думаешь, это правда? А еще там везде на столах...

3

...драгоценные кубки и блюда из золота.

Седьмой раз в саду царского дома на мраморных столбах развешивали и укрепляли шнурами и серебряными кольцами разноцветные ткани. В таком шатре гости будут укрыты от палящего летнего зноя.

Расторопные слуги расставляли на столах драгоценные кубки и блюда, огромные кувшины со сладким вином. На помосте разместились позолоченные ложа для знатных горожан и множество скамеечек из прочного дерева для простых людей.

Чтобы соорудить все это, во дворец пригласили строителей из Вавилона, искусных в своем ремесле. И вавилонские мастера постарались на славу: они затейливо украсили помост мрамором, перламутром, гранеными камнями черного и зеленого цвета.

У каждого, кто явился на пир, возникало чувство, будто он побывал не в саду под полотняным навесом, а чуть ли не внутри царского дворца, куда не дозволено ступить ноге простого смертного.

Из окон своего дворца Артаксеркс каждый день наблюдал за огромной толпой мужчин, женщин, стариков и детей. Они жаждали увидеть своими глазами несметные богатства и блеск царского величия.

В первый же день пиршества царь дал указание: никого не торопить за столом, не принуждать в выборе кушаний и в количестве выпитого вина. Пусть праздник, подобного которому не бывало прежде ни в Сузах, ни во всей Персии, всем запомнится надолго. Для этого всякий, пришедший на пир, должен провести за царским столом столько времени, сколько пожелает сам. Так и было в первый день – пиршество проходило чинно и неспешно, как повелел владыка.

Но с каждым днем очередь возле главных ворот неудержимо росла. И немудрено: слухи о пире разносились по округе быстрее ветра и достигли самых отдаленных окраин. Со всех концов страны на пир тоже заспешили любопытствующие. Причем те, кто уже побывал во дворце, открытом для народа лишь на семь дней, рассказывали не столько о щедром застолье, сколько об удивительных картинах из камня на дворцовых стенах, диковинных цветах в саду и невиданных животных в царском зверинце.

Кому не захочется увидеть подобные чудеса? Сегодня, в последний день праздника, людей на дворцовой площади собралось столько, что стражникам пришлось наводить строгий военный порядок. Иначе было не справиться с шумной толпой, желающей дарового вина и сладостей, а главное – как можно больше пищи для дальнейших пересудов.

Примерно каждые полчаса пирующие в шатре поворачивались в сторону царского дворца и выкрикивали слова приветствия. А потом, неприметно подгоняемые стражниками, покидали садовый двор через малые ворота, чтобы освободить место для новой партии гостей. Такой круговорот происходил в саду с раннего утра до позднего вечера вот уже несколько дней подряд.

Все эти дни Артаксеркс Великий ни разу не выходил к своему народу. Тем не менее он незримо присутствовал на престольном празднике – как солнце, как ветер, играющий пурпурными и виссонными кистями шатра, как первая яркая звезда на вечернем небе. Подданные не должны в суете и праздном веселье видеть лицо своего владыки, тем более мысленно сравнивать его с другими. Такой обычай был заведен в Персии и Мидии со стародавних времен. Здесь пустое любопытство и болтливость всегда карались смертью.

Лишь семь великих князей персидских и мидийских да семь дворцовых евнухов – личных избранников царя – по закону имели право служить перед лицом владыки, сидеть вокруг его престола в тронном зале, пить вино с царского стола, обсуждать мирные и военные дела государства.

Семь великих князей – семь старейшин, первых по древности рода и богатству после царя, – обычно загодя съезжались на объявленный царский пир каждый в свой день, чтобы иметь возможность неспешно показать царю все подарки – показать из своих рук, – а потом насладиться уединенной вечерней трапезой с ним, вкушая отборные привозные вина и яства. Застолье с царем издавна считалось знаком особого доверия и приближенности к трону.

Первым во дворец прибыл Каршена, самый молодой из великих князей. Ему шел лишь шестой десяток лет. Артаксеркс благосклонно оценил привезенные князем золотые украшения, жемчужины, ковры, пряности и принял Каршену со всеми почестями, как и подобает принимать великого персидского князя.

На второй день явился со своим караваном князь Шефар, длинной узкой бородой сильно смахивающий на козла. Артаксеркс принял его, как подобает принимать великого князя. Потому что, если бы прием Шефара оказался короче, чем трапеза с Каршеной, упрямый князь мог бы расценить это как великое оскорбление для себя лично и для всего своего княжества.

Затем в большой повозке с золоченым балдахином прикатил толстый Адмафа, отец царского визиря Амана, большой любитель медового шербета и прочих восточных сладостей. Артаксеркс принял его, как подобает принимать великого князя.

Четвертым из семи приближенных к царскому престолу прибыл князь Фарсис с красными, воспаленными от песчаных бурь глазами. Артаксеркс принял его, как подобает принимать великого...

После него во дворец на пир явился хитроумный Мерее, князь древнего персидского рода, дальний родственник царя. Артаксеркс принял его, как подобает принимать...

Шестым по очереди с огромным караваном верблюдов перед царем предстал медлительный, словно спящий на ходу великий князь Марсена. Артаксеркс принял его, как подобает...

Наконец, последним в Сузы прибыл старый Мемухан, опираясь одной рукой на палку, а другой на плечо своего крепкого, низкорослого евнуха.

Артаксеркс его принял... Он уже изнемогал от всех этих ритуалов!

Обширное княжество Мемухана находилось всего в трех днях и ночах не слишком скорой езды от престольного города. Но великий мидийский князь всегда приезжал во дворец самым последним из почетных гостей.

По древности крови Мемухан считался главным после царственных Ахменидов. К тому же он был старше остальных князей по возрасту. Так что излишняя спешка и угодливость была ему не к лицу. Мемухан и держался почти как царь мидийский, а не как князь. Он ходил по дворцу с негнущейся спиной, опираясь на позолоченный жезл. И вид у него был такой надменный, будто он держал в руках царский скипетр, а не дорогую старческую клюку, помогающую хоть как-то справляться с немощью. Он был так стар, что, когда строился небосвод, Мемухан, наверное, уже тогда подавал кирпичи и раздавал ценные советы.

Артаксеркс принял Мемухана, как подобает принимать великого князя. Но не более того. И уж вовсе не как великого мудреца, знающего прежние времена и законы. И тем более не как своего главного наставника и советника. Пришла пора показать всем, что старые времена ушли в прошлое, а теперь настало все новое.

Наступил третий год царствования Артаксеркса на персидском троне. Целых два года подданные, затаив дыхание, ожидали от молодого горячего царя немыслимых действий и распоряжений, страшились непредсказуемых и грозных событий. Но все это время Артаксеркс, сын Ксеркса, как будто лишь собирался с могучими, нерастраченными силами: вел переговоры с князьями, с начальниками двадцати сатрапий, учрежденных еще при Дарии, засылал в разные концы света свои «глаза и уши», строил в Ливане корабли, укреплял пограничные военные поселения и тайно готовился к грандиозным сражениям.

А главное – невероятно быстро на глазах у изумленных горожан Артаксеркс отстраивал Сузы. Он доводил до полного великолепия и без того роскошные дворцовые постройки, воздвигнутые когда-то Дарием Ахменидом. И не только царский дворец: отдельные дома для жен и гостей, подземелья для хранения сокровищ и архивов, фонтаны, сады, цветники – все здесь стало неузнаваемо прекрасным, словно вместе с новым правителем помолодели даже и камни.

Теперь дворцовые постройки были со всех сторон окружены новыми, еще более высокими стенами с покрытыми глазурью зубцами, а также многочисленными воротами: главными, садовыми, запасными. Возле каждого ворот день и ночь стояли стражники в ярких нарядных одеяниях с начищенным до блеска оружием. Создавалось ощущение, что во дворце царил нескончаемый праздник.

На Востоке законы простые: кто больше привезет подарков – тот и лучший друг, кто богаче всех – тот и владыка. Артаксеркс быстро устроил так, что дары и сокровища со всего мира широкой рекой потекли в Сузы.

Скоро горожане поняли: они родились на свет под счастливой звездой. Из далеких стран в столицу потянулись караваны с редкими товарами, оживилась торговля, на улицах зазвучали незнакомая речь и музыка. Цены на дома в Сузах за два года поднялись в десятки раз, плату за землю принимали только чистым золотом, город разрастался с невиданной быстротой и стал считаться чуть ли не центром всего мира. Здесь были самые ровные каналы и тучные поля,

лучшие банкирские дома, ссудные кассы, судейские конторы и дворцы для приема иноземных послов.

И вот теперь, в течение ста восьмидесяти дней, в Сузах проходила череда великолепных приемов и пиров для великих князей и их слуг, для главных сатрапов страны, правителей областей и начальников персидского и мидийского войск. Артаксеркс хотел, чтобы все своими глазами смогли увидеть его могущество и щедрость и после этого с еще большим рвением служить персидскому престолу.

В завершение череды пиров Артаксеркс задумал сделать большой семидневный праздник для простого народа – для всех жителей Суз, чтобы даже самые неблагодарные стали с благодарением произносить его имя и рассказывать потом своим детям и внукам о щедрости царя.

Сузы издавна негласно считались городом Дария Ахменида, который правил на персидском троне тридцать шесть лет и умер своей смертью, успев совершить немало славных дел для процветания своей державы. Дарий Ахменид гораздо чаще побеждал в сражениях, нежели его вспыльчивый, неукротимый сын Ксеркс. За свою жизнь дед Артаксеркса выиграл девятнадцать битв и низложил девять царей, после чего подданные стали называть его царем царей и Великим Дарием. Он сумел ловко наладить сбор податей. Персидские сатрапии до сих пор жили по прежним законам и расплачивались за товары дедовскими монетами – золотыми дариками. Особенно великий Дарий любил строить дороги. И теперь люди называли любые дороги «тропами Дария», кто бы их ни проложил.

Великолепные дворцы Дарий тоже строил. Артаксеркс не раз с ревнивой гордостью перечитывал высеченный на камне отчет своего деда о том, как проходило сооружение царского дворца в Сузах. Дарий перечислял, из каких далеких стран были доставлены материалы для его строительства, какие мастера отличились при его постройке...

«Земля была вырыта глубоко, гравий засыпан, сырцовый кирпич формован, – повелел выбить Дарий на камне. – Кедр доставлен с горы Ливан. Ассирийский народ доставил его до Вавилона, а в Сузы его доставили карийцы и ионийцы. Дерево доставлено из Гандхары и Кармании. Золото, которое здесь использовано, доставлено из Лидии и Бактрии, а самоцветы, лазурит и эбеновое дерево привезены из Согдианы. Бирюза, которая использована для строительства, доставлена из Хорезма, серебро и эбеновое дерево – из Египта, украшения для стен – из Ионии, слоновая кость – из Эфиопии, Индии и Арахосии...»

Вот какой размах, а вместе с тем – тщательность проявил Дарий Ахменид при строительстве столицы, которая теперь по наследству досталась его внуку Артаксерксу.

Тело Дария Великого уже давно покоилось в скалах Накш-и-Рустам неподалеку от Персеполя, в огромной гробнице, украшенной каменными плитами с изображением многих его подвигов. Но персы вспоминают о нем гораздо чаще, чем о недавнем своем владыке, убитом заговорщиками, – Ксерксе.

Вместо принятого титула Ксеркс Великий народ нередко называет его Ксерксом Железным, Ксерксом Жестоким, несмотря на то что Артаксеркс приказал строго наказывать всякого, из чьих уст выйдет хотя бы одно дурное слово об отце.

Артаксеркс еще раз посмотрел в окно на дворцовую площадь, где с утра собралась огромная толпа людей. Всем хотелось хотя бы в последний день непременно попасть на царский пир. Кто-то рвался туда уже и по второму, и по третьему разу.

Издалека площадь была похожа на многоцветное озеро, со дна которого к небесам доносился нарастающий гул.

«Вот и обо мне тоже народ будет рассказывать легенды и слагать песни, – горделиво подумал молодой царь. – Надо распорядиться: пусть тех, кто пришел с детьми, пропускают в первую очередь. Дети лучше запомнят, как могуч их царь и...»

4

...семь великих князей».

Каршена, Шефар, Адмафа, Фарсис, Мерее, Марсена и Мемухан – семь великих князей персидских и мидийских – сидели возле трона царя, с важным видом пили вино и многозначительно молчали.

Особенно надутым и как всегда недовольным выглядел старый Мемухан, привыкший выдавать себя за мудреца. Сегодня он крепко сжал лиловые губы и сидел, молча поглаживая палку и покачивая головой, словно все еще продолжал спорить с царем и мысленно читать ему наставления.

Слишком многое из того, что делал молодой и своенравный Артаксеркс, не нравилось Мемухану, великому князю мидийскому. Он уже не раз высказал свои недовольства царю, но не прямо, а витиеватыми намеками.

Прежде всего, Мемухан был противником пира для простолюдинов: никогда раньше персидские цари не опускались до того, чтобы позволить простым горожанам есть на царском золоте и топтать грязными сандалиями дворцовые плиты.

– Так-так-так, времена меняются. Я слышал, на греческих островах сейчас устанавливаются правила, которые они называют демократией, – задумчиво произнес Мемухан, словно обращаясь к своей палке с наконечником из слоновой кости в виде львиной головы с раскрытой пастью.

– Так-так, там у этих греков уже даже женщины дают мужчинам советы. И чуть ли не решают за них, кому и с кем воевать. А ведь это самое последнее дело. На островах все перевернулось с ног на голову. Но не зря мудрые люди говорят: «Поведешься с черным котлом, сам черным от копоты станешь, быстро с ног до головы перемажешься». Вот так-то...

Мемухан вроде бы и не говорил вслух ничего дерзкого, но остальные князья угадывали его мысли и в такт кивали головами, словно подтверждая: так можно далеко зайти! Если все делать «по-гречески», то, спрашивается, зачем вообще нужен царь и великие князья? Пусть тогда все дела решаются толпой оборванцев на общих сборищах! А если у подданных нет страха перед троном, о каком послушании можно говорить? И к чему вообще разводить иноземные глупости вокруг персидского престола, который должен возвышаться над всеми народами?

Что касается военных дел, то и тут Мемухан сумел подпустить яду. Все эти дни великие князья обсуждали предстоящий поход на египетский Мемфис, где непокорные подданные перестали, как прежде, считаться с властью персидских царей. Разумеется, в Мемфис требовалось срочно посылать войско, чтобы подавить мятеж в городе, пока он не охватил всю страну.

Но когда Артаксеркс объявил о том, что сатрап Сирии, верный Мегабиз, известный тем, что собирает в своей области самые большие подати для царской казны, вызвался самолично повести войско на Египет, старик Мемухан скривился с таким видом, будто хлебнул желчи.

– Так-так-так... я о том и говорю, – промолвил Мемухан. – Сколько ни сиди на дне моря, все равно рыбой не станешь. Зачем сатрапу возглавлять царское войско? Что-то здесь не так... Пусть и дальше собирает подати для царской казны, раз у него это получается... Мало ли в Персии прославленных полководцев, помимо этого выскочки Мегабиза?

И остальные великие князья, которые только что наперебой хвалили Мегабиза, вторя речам Артаксеркса, с озабоченным видом зацокали языками, принялись украдкой переглядываться между собой и тяжело вздыхать.

– Я доверяю Мегабизу, как самому себе, – резко проговорил Артаксеркс, желая разом пресечь нудное стариковское ворчание. – Если Мегабиз чувствует в себе силу полководца, пусть идет с войском в Египет. Я завтра же пошлю ему указ со своим на то повелением...

– А я так скажу: не место двум мечам в одних ножнах, так-то... – пробормотал себе под нос Мемухан и зачем-то засунул палец в открытую львиную пасть на набалдашнике клюки.

Шефар сидел рядом и слышал эти слова. Он понял, что имел в виду старый князь. Но владыка не расслышал его бормотания и только грозно нахмурился.

У Артаксеркса никак не укладывалось в голове, что великий князь Мемухан давал советы еще его деду – Дарию Ахмениду и хорошо помнил те времена, когда в персидском царстве ввели в обращение первые золотые дарикки, сделанные, кстати говоря, тоже по образцу греческих монет.

На персидских монетах Дарий был изображен в полный рост, с луком в одной руке и с колчаном стрел за плечом. Голова владыки, отчеканенная на золоте, получилась неестественно большой, как у какого-то зверя. Один из пленных самосских ювелиров попытался высмеивать неуклюжие монеты, и, разумеется, за свой длинный язык он был немедленно казнен. Никто давно не обращал внимания на неудачный портрет, а Мемухан и об этом помнил...

Вот и теперь Мемухан, сидя в тронном зале, точно так же, как когда-то с Дарием, а затем с его сыном Ксерксом, обсуждал с молодым царем вопросы войны и мира. Он так же хитро щурил черные бисерные глазки, потирал с противным шелестом желтые сухие руки. И при этом был все еще жив – живее великих царей, которые лежали в своих могилах.

В облике старика Мемухана, в его прямой спине – словно под кожу запрятан железный кол – Артаксеркс видел тайный вызов всей династии Ахменидов и себе лично. Казалось, будто великие цари, которых подданные называли бессмертными и величали в молитвах сыновьями богов, один за другим уходили в черную бездну небытия.

А Мемухан продолжал невозмутимо сидеть возле трона, на котором поменялись уже три владыки, все также пил вино и стучал по полу палкой.

В его многозначительных вздохах Артаксерксу так и слышалось: «Мене, текел, упарсин...

«Мене» – исчислил Бог царство твое и назначил ему конец; «текел» – ты взвешен на весах и найден очень легким...»

Но осталось выдержать всего один, последний день – и великий пир в Сузах станет легендой, которую народ долго будет передавать из уст в уста.

Мудрецы говорят: «Брось в воду камень, а потом спокойно смотри, как расходятся по воде круги».

Артаксеркс бросил этот камень, сделав для подданных то, чего никогда не было даже при Дарии и тем более – при скупом и суровом отце. К тому же у него есть поддержка...

Артаксеркс повернул голову туда, где сидел Аман Вугеянин, поглядел на его молодое лицо, на большой, с аппетитом жующий рот, на губы в красном вине и сразу же почувствовал себя гораздо спокойнее.

Мемухан недоволен еще и тем, что в последний день пира возле царя сидели не только семь великих князей, как было заведено с незапамятных времен, но и царский визирь Аман, а еще некоторые приближенные к трону царские евнухи и другие придворные.

Старый мидийский князь видел в этом все то же «позорное гречество», а потому больше обычного разговаривал со своей палкой. Когда визирь обращался к нему с вопросами, Мемухан нарочно притворялся глухим и немым.

Аман Вугеянин, сын толстого князя Адмафы, был любимцем и давним другом царя Артаксеркса. Вступив на престол, Артаксеркс приказал считать Амана вторым человеком в державе и поставил его власть выше княжеской, чем совершенно сразил великих князей. Не было второго такого человека во всем царстве, с кем владыка столь часто пил вино, играл по вечерам в кости или шахматы, от кого благосклонно выслушивал шутки и городские сплетни.

Аман Вугеянин был лет на десять старше Артаксеркса, но держался с ним на равных, как сверстник. Низкого роста, чернявый и кривоногий, он даже внешне во всем отличался от царя. Амана никто никогда не видел серьезным и задумчивым, и склонный к сомнениям

Артаксеркс невольно сравнивал советы своего визиря с бодрящим вином, помогающим без труда разрешать любые сомнения.

На смуглом лице Амана первым делом бросался в глаза большой рот с белыми и очень острыми зубами. Этот рот то хохотал, то скалился от ярости, то смачно пережевывал пищу, то выдавал непристойные шутки – и при этом словно бы жил своей отдельной жизнью. Губы Амана лишь слегка прикрывали пасть хищника, готового перегрызть горло всякому, кто осмелится посягнуть на трон царя Артаксеркса.

Аман был самым преданным другом, самым верным из верных – и молодой владыка любил его за это.

«Твоего слова будет держаться весь мой народ, только престолом я буду выше тебя», – так сказал однажды Аману царь Артаксеркс и сдержал обещание.

Семь великих князей, как один, воротили от Амана нос. «Они – старые, трухлявые, а мы – молодые, с горячей кровью, где им нас понять? – смеялся Аман Вугеянин, оставаясь наедине с Артаксерксом. – Скоро князья разъедутся по своим кочкам, а мы останемся в Сузах, будем здесь веселиться и пировать с нашими женами и наложницами».

– Никогда не будет такого в Персии, чтобы женщины занимались мужскими делами, – сказал Аман, шумно отхлебывая вино из золотой чаши и нарочно обращаясь к Мемухану, который старательнее других отворачивал от него лицо. – Потому что жены совсем для других сражений предназначены, разве не так?

Что и говорить, стоит некоторым мужчинам выпить слишком много сладкого вина, как они сразу же начинают рассказывать о своих победах над врагами и над женщинами.

Аман, сын Адмафы, как раз и был из таких людей. Его прозвище Вугеянин – Хвастун – появилось еще в детские годы, когда он подробно расписывал сражения, в которых никогда не участвовал, и прелести девиц, которыми он никак не мог наслаждаться по малости лет.

Но теперь у Амана Вугеянина был самый большой гарем в Сузах, хотя женскому дому визиря положено быть вторым по величине и роскоши после царского. Приписывали это лишь независтливому нраву Артаксеркса и его увлеченности царицей Астинь.

Ко всему прочему, Артаксеркс самолично издал указ, чтобы все дворцовые слуги и стражники падали ниц перед Аманом, как если бы перед ними был сам царь.

Аман Вугеянин еще раз весело осматрел сидящих за столом, словно хотел сказать: эй, зачем вообще пить вино, если не веселишься? И что за веселье без женщин или хотя бы без рассказов о прелестях юных жен?

– Со своими женами я часто бываю пьяным и без вина, – громко похвастался Аман Вугеянин, – а с самыми юными наложницами невидимый виночерпий словно бы потчует меня терпким багряным вином, которое по вкусу не сравнится ни с каким другим...

Артаксеркс всем телом развернулся в сторону Амана и принялся слушать его с возрастающим вниманием. По мутному взору царя было заметно, что он тоже выпил сегодня лишнего. На его скулах и шее проступили красные пятна.

– Уста их – как рассыпчатый сахар. Да, вах-вах, как сахар, мед и кунжутная халва, – продолжал, закатив к потолку глаза, говорить Аман Вугеянин. – Три дня назад мне привезли новую жену из Хорезма. Она похожа на бутон красного тюльпана, который вот-вот должен раскрыться на рассвете от первых лучей солнца. Вот уже три ночи подряд я только ее призываю к себе. У нее такой гладкий живот и гибкий стан, словно из кипариса. Но и про красавицу из Бактрии я тоже не забываю. Да и как забудешь ее пушок над алым ртом? Из этого источника черпаю я поцелуи и свои силы...

Но Аман не договорил, потому что Артаксеркс вдруг грохнул о стол тяжелый кубок с вином и произнес одно слово:

– Астинь! – а потом еще раз, уже хрипло: – Царица Астинь! Она лучше всех!

Молодой царь обвел присутствующих горящим взглядом. Лицо его пылало, глаза сделались красными, как раскаленные угли.

– Все, что ты говоришь сейчас, Аман, про всех своих жен вместе взятых, можно сказать про одну мою Астинь, – произнес Артаксеркс в наступившей тишине. – На всей земле, во всех двадцати семи областях от Индии до Эфиопии нет никого, кто мог бы сравниться с красотой царицы Астинь. Вы не верите мне? Сейчас все, все в этом убедятся!

Артаксеркс указал одному из своих евнухов жезлом на дверь и громко приказал:

– Сейчас же приведи царицу Астинь перед мое лицо в царском венце, чтобы я мог показать всем князьям ее небесную красоту.

А заметив усмешку старого Мемухана, царь гневно ударил по столу жезлом и прибавил:

– Нет, не только князья – пусть весь народ, собравшийся на пир в царском дворце, своими глазами увидит сегодня красоту царицы Астинь. Скажи, чтобы она нарядилась в белое платье из самого тонкого шелка и чтобы она...

Глава вторая

Перстень Астинь

1

...была как белая лилия.

Женщины тихо перешептывались между собой:

– Смотрите, наша царица Астинь – как ароматная белая лилия. Даже от ее тени исходит влажная прохлада.

Это сравнение придумала Зерешь, первая жена царского визиря, и теперь его тихо передавали по кругу, чтобы именно в таких словах рассказать потом домашним про женский пир, устроенный в отдельном зале дворца для царицы Астинь и ее подруг.

Как лилия, да, как белая водяная лилия... Правда, передать словами удивительную красоту царицы было не легче, чем удержать воду в горсти.

Знатнейшие женщины города Сузы, собравшиеся сегодня во дворце, нарядились в лучшие платья, надели драгоценные украшения. Многие из них редко выходили за ворота своих богатых домов и месяцами никого не видели, кроме мужа, детей и слуг. На всех гостях сегодня были парадные головные уборы, отделанные золотом и серебром, ожерелья и бусы из драгоценных камней, серьги и подвески в волосах, многочисленные кольца на руках.

Нашлись за столами такие, кто сразу дал волю острым языкам, слишком долго пролежавшим в ножнах покорности.

– Точно, наша царица как белая лилия, – шептались они, загораживая рты надушенными ладонями. – От нее даже пахнет тинной и речным илом. Как бы здесь не заквакать! После целой реки выпитого медового вина хочется поскорее запеть песни...

Слушая это беспечное хихиканье, трудно было представить, что многие из подруг Астинь каждый день считали оставшиеся до женского пира дни, обдумывали любую бусинку, загодя принимали бодрящие ванны и делали все возможные притирания, чтобы выглядеть во дворце не хуже других.

Астинь в золотом венце на голове восседала за столом выше остальных женщин. По обе стороны от нее стояли две молоденькие чернокожие служанки и обмахивали царицу опахалами из страусиных перьев. Все должны понимать: жен и наложниц у царя может быть сколько угодно, но божественная супруга, которая родит наследника престола, – только одна, несравненная.

Высокую шею царицы в несколько рядов окружали бусы из жемчуга. Ее платье было расшито тысячами голубых лазуритовых бусинок. В тихой задумчивости Астинь и впрямь была похожа на белую лилию, плавающую по водной глади среди кувшинок и других прибрежных цветов.

Многие мужчины мечтали увидеть вблизи на удивление белое, будто бы даже прозрачное лицо царицы Астинь. Но лишь в своих беспокойных снах могли они вдоволь любоваться перламутровыми щеками избранницы Артаксеркса, считавшейся самой красивой женщиной во всем царстве.

По персидским законам и понятиям о женской чести только царь, несколько избранных евнухов, женщины-подруги и служанки царицы могли спокойно лицезреть супругу царя. Астинь нельзя было появляться в людных местах, чтобы не разжигать в мужчинах напрасных желаний. Она могла обедать лишь наедине с царем, приходила ночью к нему на ложе и старательно прятать свою красоту от жадных, завистливых глаз.

Два года назад, в самом начале правления Артаксеркса Великого, была доставлена к нему из маленького городка близ Лагаша юная красавица Астинь. Она сразу же сумела понравиться молодому царю больше других наложниц. Даже в сильную жару маленькие груди и бедра Астинь излучали приятную прохладу и доводили молодого царя до озноба.

На теле Астинь невозможно было найти ни малейшего изъяна – ни царапины, ни шрама, ни расчесов, ни мелкой болячки. Насекомые, приносящие нарывы и лихорадку, словно бы сговорившись между собой, облетали Астинь стороной. Само солнце обходило ее беспощадными огненными стрелами, от которых у других кожа делалась темной и грубой.

А ведь родом Астинь была из краев бесконечных болот, где от летней жары вода к ночи делалась горячей, а от укусов местных насекомых на лицах появлялись шишки, которые целый год истекали гноем и могли свести в могилу, если не прижечь их каленым железом.

Поэтому многим было ясно: малютка Астинь со своим ясным личиком, непривычно белыми ручками и ножками, подраставшая в доме дальних родственников великого князя Мереса, вовсе не простое существо. Она с младенчества была отмечена знаками божества, а значит, судьба ее обещала быть сияющей и необычной.

Когда после внезапной смерти Ксеркса на персидском троне воцарился его сын Артаксеркс Лонгиман, Астинь как раз достигла поры первого цветения. Тогда во всех областях персидской державы появились наблюдатели на быстроходных лошадях, царские вестники и посланники, собиравшие повсюду красивейших девиц для царского гарема.

Хитрый князь Мерее, дальний родственник царя, быстро понял, как можно без лишних трудов обрести царскую милость. Он самолично доставил Астинь во дворец в Сузах, назвав ее лучшим из своих подарков. И ведь не прогадал! Все правильно рассчитал князь Мерее за одну Астинь он получил столько золота, что смог купить несколько десятков дорогих лошадей для своей конюшни и в каждый свой приезд ко дворцу получал от Артаксеркса новые богатые дары.

– Посмотри, а все же тяжел, слишком тяжел царский венец для тонкой шеи царицы Астинь, – тихо прошептала на ухо своей подруге Зерешь. – Я бы не хотела носить венец, в котором нельзя ни вволю потанцевать, ни даже просто покачать головой под звуки арфы.

– Бедняжка Астинь, – заметила подруга, поправляя на своей голове перевязь, расшитую разноцветным бисером. – Она такая бледная и печальная, потому что напротив нее уселась верховная жрица лунного храма. И смотрит таким взглядом, что Астинь боится лишний раз поднести к губам чашу с вином. Уж лучше сидеть под столом, чем на тронном месте напротив жрицы...

– Да, она очень страшная, эта лунная жрица, – заметила третья женщина, и все с ней согласились, хотя вряд ли смогли бы объяснить, что именно они имели в виду.

Лунная жрица по имени Синтара была женщиной не слишком молодой, но и не старой. Не красавицей, но и не слишком уродливой. Не толстой и не худой. Не веселой и не печальной. Она была неуловимой и жутковатой, как мерцающая лунная дорожка на темной ночной воде. Рядом с ней почему-то всем становилось не по себе.

Лунная жрица была посвящена в какие-то высшие таинства, недоступные простым смертным. Свои знания она могла передавать только ученикам и посвященным, конечно же, явно не за пиршественным столом. Поэтому было непонятно, о чем с ней говорить.

Все украшения Синтары были сделаны из чистого серебра: большие, свисающие до плеч серьги в виде двух полумесяцев, амулет на шее в виде нарождающейся луны, серебряный гребень в волосах с начертанными на нем непонятными знаками и символами. Но никто из гостей не смел спрашивать, что означают эти знаки. Все знали: праздное любопытство по части небесных секретов заметно сокращает дни жизни.

Даже маленькие дети помнили: нельзя показывать пальцем ни на луну, ни на небо, иначе палец отсохнет, а человек после этого в три дня может умереть среди ночи от неведомой болезни.

Светлые глаза лунной жрицы тоже словно отлиты из серебра – серые и пронзительные. Женщины на пиру старались в них не заглядывать.

Но Синтара и сама почти ни на кого не обращала внимания. Она неотрывно глядела на царицу Астинь, отчего бледные щеки царицы становились еще бледнее.

Верховная жрица храма лунного бога Син явилась на женский пир незваной, заявив, что ей повелели сделать это небесные светила. Уселась на почетное место жены царского визиря, на какое-то время спутала все танцы и песни...

Но вскоре женщины перестали обращать внимание на Синтару, настроили свои арфы, стали по кругу петь песни... Когда же очередь дошла до лунной жрицы, она неожиданно для всех тоже взяла в руки позолоченную арфу и запела, по-прежнему неотрывно глядя в лицо царицы Астинь.

Голос ее оказался резким, как у ночной птицы:

Никому не остановить всепожирающий поток,
Когда небо гремит и дрожит земля,
Когда матерей и детей окутывает тьма,
Накрывает их, словно платком,
Окутывает саваном,
А зеленый тростник склоняет под ударами свои стебли.
Никому не остановить поток с неба.
И никому не остановить поток времени,
Пожирающий все на своем пути.
Ни рабыне, вяжущей тростник,
Ни прекрасной видом царице...

Допев, лунная жрица облокотилась всем телом на инструмент. В наступившей тишине было слышно, как арфа все еще продолжает жалобно скрипеть, хотя музыка уже смолкла.

– Что это за песня? – тихо спросила царица Астинь. А потом добавила: – Она не подходит для пира. Это не застольная песня. Наверное, ее исполняют во время какого-то обряда, который мы не знаем.

– Похоже, так и есть, – согласилась жрица. – Но бывает, что и пир становится обрядом, который понимают лишь посвященные. Не зря же я сегодня к вам пришла. Иногда пир – это обряд, который отделяет прежнюю жизнь от новой, другой.

– Что ты хочешь этим сказать, Синтара? – Астинь повела плечами, будто ей вдруг стало зябко.

– Только то, что уже сказала, царица.

– Конечно, ведь после хорошего пира еще долго хочется петь и веселиться! Как будто начинаешь жить снова! – воскликнула одна из самых молодых и веселых девушек.

– Скажите, почему мужчины каждый день устраивают себе праздники, а нам дозволено собираться вместе лишь в редкие дни? – поддержала ее подруга. – Значит, мы должны теперь так веселиться, чтобы хватило на месяц, а то и вовсе на целый год...

Как раз в это время слуги принесли на подносах лакомства из меда, орехов и буйволиного молока, а также кувшины с новым вином. Все начали пробовать сладости и вино. Все, кроме лунной жрицы, которая по-прежнему в упор разглядывала царицу Астинь, будто хотела прочесть по лицу ее судьбу.

– Почему ты не пьешь вина, Синтара? – почти прошептала царица Астинь. – Или тебе не нравится вино из царских кладовых?

Тогда жрица снова навалилась на арфу, ударила пальцами по струнам и пропела:

Мой лунный бог – слаще хмельного вина.
У моего бога и в губах, и в чреслах великая сладость.
Он плывет по небу на большом корабле,
Увозит туда, откуда нет возврата,
Откуда никто не возвращается на землю.
И нет слаще поцелуев для моей царицы,
Чем поцелуи моего бога...

Все снова поглядели на бедную Астинь, которой, увы, некуда было спрятаться со своего высокого трона.

Синтара передала арфу сидящей рядом Зерешь. Та сидела, повернувшись к лунной жрице толстым боком. Она верила только своим домашним мудрецам и гадалкам. Зерешь отдала арфу слуге и сказала:

– Хватит нам заунывных песен, а то я сейчас засну. Верно люди говорят: где бы ни цвела роза, рядом с ней всегда есть шип. Вы как хотите, а я люблю слушать за столом не песни, а истории про любовь и верность влюбленных...

– Да-да, лучше будем рассказывать интересные истории, – обрадовалась царица Астинь.

Самая веселая из девушек захлопала в ладоши и воскликнула:

– Ай-ай, какая мудрая ты у нас, Зерешь! Нет в Сузах никого умнее тебя!

Зерешь – первую и самую старшую жену Амана Вугеянина – многие в Сузах называли мудрейшей среди женщин и просили у нее совета по самым разным вопросам. Дело было в том, что в своем доме Зерешь держала трех прорицателей, гадающих по цифрам на магических костях. Да и в процветающем доме ее отца в Бактрии ни одно большое дело не начиналось без ворожбы и предсказаний. Там гадали по печени, по полетам стрелы и птиц, по направлению дыма, по маслу, разлитому на воде, по судорогам убитого животного, по звездам и сновидениям... По всему, что только можно себе придумать.

Но почему-то больше всего Зерешь доверяла магическим костям с цифрами. Она давно убедилась: такие предсказания наиболее надежные – даже лучше, чем у звездочетов и лунных провидцев.

Может быть, поэтому Зерешь не сильно смущалась лунной жрицы и была веселее многих на пиру. Она привыкла во всем жить своим умом, а точнее, умела ловко защищаться от жизни умом трех своих гадалок.

– Я знаю одну интересную историю из древних времен, – сказала лунная жрица со странной улыбкой на лице.

– Про утонувшего рыбака, который встретился в чреве рыбы с морской царицей? – полюбопытствовал кто-то с края стола.

– Нет, еще интереснее.

– А эта история про любовь? – робко спросила царица Астинь.

– Про великую любовь и верность, которые не всем дано постигнуть.

И Синтара принялась рассказывать про стародавние времена, когда царицы уходили в подземный мир вслед за мужьями и непременно брали с собой всех своих слуг, придворных девушек, конюхов, возниц, виночерпиев, охранников и музыкантов. В такой день женщины, как и сегодня, наряжались в праздничные одеяния, надевали свои лучшие украшения, подкрашивали глаза и веки зеленой краской – зеленый цвет издавна считался цветом жизни и нового рождения, – а затем устраивали в усыпальнице большой праздничный пир.

– Они пировали, пили вино, а потом все вместе выходили из склепа? – спросила самая нетерпеливая из девушек, но уже не таким веселым голосом. – Они потом уходили, да?

– Да. Они уходили в мир иной, – спокойно продолжила лунная жрица. – В лучший из миров. Тот, который на небесах. Но сначала они занимали в гробнице заранее отведенные

места, наполняли свои чаши ядом и под музыку выпивали яд по команде царицы. Потом могильщики засыпали склеп землей и насыпали сверху большой холм. Такой же большой, как над усыпальницей царя...

Лунная жрица закончила рассказ. Женщины уже не пили вино – они со страхом глядели на свои кубки, друг на друга, на царицу Астинь. Пиршественный зал вдруг всем показался мрачным и душным. Без окон, заставленный скульптурами незнакомых богов, награбленными из греческих храмов, он сильно напоминал склеп... И кто знает, что было подмешано в царское вино?

Однако Синтара взяла в руки свой кубок, отхлебнула вина и впервые за все время пира снисходительно улыбнулась.

– Не бойтесь, – сказала она. – Это древняя история. Сейчас таких обычаев нет. К тому же наш царь еще очень молод. Впереди у него много лет жизни. Пейте, в ваших кубках не яд, а сладкое вино.

– Хватит нам историй, пора танцевать, – первой поднялась со своего места Зерешь, и вслед за ней встали другие женщины, взяли за руки, закружились в хороводе:

Раньше было одно, а теперь совсем другое.
Прежде было старое, а теперь все новое.
Не станет больше женщина печенкой своего мужа,
Не пойдет с ним вместе в могилу.
Она будет пировать своим пиром,
Среди подруг, среди своих веселых подруг...

С бойкого языка Зерешь слетали слова новой, только что рождающейся песни. Их тут же подхватывали другие женщины – как легко и приятно было кружиться под эту песню после медового вина!

Даже царица Астинь заметно повеселела и тихо, одними губами, повторяла слова, которые после каждого припева все больше проникали ей в душу:

Она будет пировать своим пиром,
Среди подруг, среди веселых подруг...

Все так увлеклись танцем, что не заметили, как в зале появился прыткий Авагф, один из семи царских евнухов, отвечающий за рассылку указов во все области царства и за распространение наиболее важных известий внутри дворца.

– Пусть царица Астинь тотчас явится перед лицо владыки в царском венце на голове и в наряде из шелка, чтобы все великие князья и придворные в тронном зале смогли увидеть ее красоту! – выпалил запыхавшийся Авагф. – И пусть потом царица в том же наряде покажется перед народом, собравшимся во дворе царского сада.

Царица Астинь слегка покачнулась на высоком троне, тихо охнула. Авагф взглянул на нее и виновато добавил:

– Сильно развеселилось сердце нашего царя от вина. Он сегодня желает такого, чего никогда прежде не требовал.

– Ты ничего не перепутал? – переспросила Авагфа Зерешь, привыкшая на правах жены визиря запросто разговаривать даже с царскими евнухами. – Может, ты неправильно передаешь речи царя? Скажи не по-своему, а слово в слово, как приказал царь.

– Царь велел, чтобы царица Астинь облачилась в свое прозрачное белое одеяние, в котором она по вечерам иногда так ловко пляшет в сальных покоях. То самое, через которое хорошо виден ее живот и золотой пояс на гибком стане, – слегка покраснев, принялся пересказывать

Авагф. – И чтобы волосы царицы под венцом извивались в танце черными змеями. И тогда все поймут, что никто не может сравниться с ее красотой, и увидят...

– Ох, довольно! Молчи! – с мукой в голосе воскликнула Астинь.

– Ты просто пьян, Авагф, – сказала строго Зерешь. – Вон как тяжело ты дышишь. И лицо у тебя сделалось совсем красным. Должно быть, ты перепутал комнаты и забыл, что тебя послали в женский дом за наложницей или танцовщицей. Поэтому скорее иди к Шаазгазу, стражу царских наложниц, скажи, чтобы он выбрал подходящую женщину для развлечений, нарядил ее в бесстыдные одежды и направил к толпе под шатром...

Авагф послушно отступил в дверной проем, но в следующую минуту в зал вошли еще шесть царских евнухов и молчаливо выстроились в ряд. Последним из них стоял Харбона. И тогда Авагф еще раз громко повторил приказание царя: привести царицу Астинь к царю и...

2

...показать всему миру ее красоту.

Потому что не только престольные Сузы, а половина мира крепко зажата в кулаке персидских царей. Скоро и весь мир делается единой ахменидской державой, как того хотели Кир Великий, и сын его Камбиз II, и Дарий, и Ксеркс.

– Именно теперь, при молодом царе Артаксерксе, – твердили в один голос придворные мудрецы, обаятели, тайновидцы и волхвы, – наконец-то совершилась необходимая полнота времен, и настали дни для главных побед и всемирных завоеваний. Не случайно он носит имя Артаксеркс Лонгиман, что значит Долгорукий. Благодаря завоеваниям отцов царь простер свой скипетр на сто двадцать семь областей от Индии до Эфиопии, дотянулся властной рукой до далеких земных окраин. Артаксеркс будет владыкой всего мира.

В свое время Артаксеркс не пожелал обосноваться в Персеполе – в городе, который не только сами персы, но и соседние народы называли «твердыней Ксеркса». Теперь огромный дворец Ксеркса в некогда столичном Персеполе стоял полупустым. По ночам там в залах кричали лишь павлины и одичавшие кошки, между зубцов на стенах давно обосновались летучие мыши. Лишь в женском доме под надзором евнухов тихо доживали свой век жены и наложницы прежнего царя, боясь лишний раз напомнить Артаксерксу о своем присутствии.

Главный архив со всеми придворными писцами, казна со стражниками и счетоводами, лучшие дворцовые прорицатели и гадатели постепенно переместились в Сузы и теперь находились под рукой у царя Артаксеркса.

Это был очень умный и хитрый ход, позволивший новому правителю оставить в Персеполе всех неугодных придворных и набрать себе новых – более расторопных и молодых.

...И вот теперь один из них – Авагф стоял на коленях перед царем, низко склонив голову к мраморному полу. Он знал: бывают такие новости, за которые владыка может повесить за язык, посадить на кол, отсечь мечом голову. И почему-то именно он, Авагф, по своей постылой должности вынужден сообщать царю дурные известия.

– Царица Астинь не пожелала явиться по приказанию царя, – сказал Авагф, нарочно медленно растягивая слова, будто в каждом звуке теплилась его жизнь.

– Что? – закричал Артаксеркс, вскакивая с трона. – Что ты сказал, коварный пес?

Авагф еще покорнее растянулся на мозаичном полу. Голос царя гремел в гулком зале большим барабаном.

Евнух собрал всю свою волю, чтобы не зажать от страха уши руками.

– Как не пожелала? Отказалась? – еще громче взревел царь.

Авагф лежал с закрытыми глазами и слушал, как со стола падали золотые кубки и со звоном катились по полу. И еще евнух услышал где-то наверху страшный клекот и шипение. Он понял, что ему осталось жить несколько мгновений.

Старый Харбона, лучше всех знавший привычки Артаксеркса, однажды так сказал Авагфу:

– Не бойся, когда царь кричит, – это пустое. Опасайся, когда владыка начнет задыхаться от гнева и шипеть, уподобляясь дракону. Тогда он способен на все.

Авагф услышал шаги и напруг все свои силы, чтобы в последний миг жизни не закричать от ужаса и не покрыть свое имя вечным позором. Но шаги вдруг пронесли мимо, в воздухе остался лишь еле заметный запах дорогих благовоний царя. Только тогда Авагф приподнял голову и зачем-то растерянно ощупал свой бритый взмокший затылок.

Все присутствующие теперь глядели на дверь, через которую разгневанный царь выбежал в сад.

Авагф присел на скамью и принялся сосредоточенно молиться Арту – божеству правды и справедливости, в честь которого назвали когда-то царя Артаксеркса. И неважно, что там, в саду, Артаксеркс с криками вырывал на своем пути цветы и ломал ветки деревьев, топтал в припадке ярости траву и рассекал мечом кусты жасмина. Главное, что головы его подданных остались на плечах.

Даже старый Харбона понимал: не следует мешать царю. Пусть выпустит пар, помечется по саду, подобно раненому барсу, пошипит, изрыгая проклятия. Он царь, и на то его...

3

...великая царская власть.

А Мардохею не давал покоя простой вопрос Гадассы: а зачем царь?

Сейчас, сидя за пиршественным столом, он не мог думать об этом вслух. Зачем людям царь?

Этим вопросом, должно быть, задавался пророк Самуил, когда иудейский народ вдруг потребовал себе царя. Но Бог сказал Самуилу: «Не печалься, они не тебя, а Меня отвергли, чтобы Я больше не царствовал над ними».

И еще сказал: «Сделай все так, как они просят, но только не забудь от Моего имени объявить народу права царя. Пусть никто не говорит потом, будто не знал, что его ожидает».

Тогда Самуил вышел на площадь и пересказал права царя.

– Царь возьмет ваших сыновей и приставит к своим колесницам, сделает всадниками и ответит на войну.

Но люди на площади кричали:

– Мы согласны, пусть царь будет над нами!

– Царь поставит сыновей ваших возделывать царские поля и жать царский хлеб, заставит их делать ему оружие и все новые колесницы!

Но люди кричали:

– Мы согласны, пусть царь будет над нами!

– Царь возьмет дочерей ваших, чтобы они варили царю кушанья и пекли хлеба, отберет у вас лучшие поля, виноградные и масличные сады, отдаст их своим слугам. От ваших посевов и виноградников он будет брать десятую часть, чтобы кормить своих слуг и евнухов. И столько же от всякого мелкого стада.

Но люди закричали еще громче:

– Пусть возьмет, и пусть царь будет над нами!

– Царь возьмет лучших юношей и девушек, лучших ваших рабов и употребит на свои дела. Вы и сами будете у него рабами! Не лучше ли быть рабами Господа, нежели служить царю? Ведь вы не выдержите и вскоре восстанете на царя, которого сами же хотели.

Но люди закричали:

– Нет, пусть нас судит и водит на войну царь, хотим быть, как другие народы!

И тогда сказал пророк Самуил израильтянам усталым голосом:

– Ладно, идите каждый в свой город. Будет у вас отныне царь.

Мардохей задумчиво покачал головой и оглядел пиршественный стол.

– Вот и поедают они нас теперь, словно сладкий виноград, – произнес он вслух.

– Т-т-ты о чем? – встрепелась Гадасса.

– Древние пророки называли иудеев виноградом Господа, Его избранной сладкой гроздью. Смотри, сколько жадных ртов жуют за столом виноградные гроздья... Все хотят нас пожрать.

– На моей тарелке тоже выбита к-к-красивая виноградная гроздь, – заметила девочка. – Может, это блюдо из Иерусалимского храма?

– Может, и так, – помрачнел Мардохей. – Прежний царь Кир вернул кое-что из награбленного, но много храмовой утвари растащили по всему свету. Она может оказаться в любом из царских или вельможных домов. Не ешь с этой тарелки, девочка. Нельзя, чтобы обглоданные кости лежали на священной посуде.

– Мне вообще не хочется есть. Вокруг так много интересного, – мгновенно согласилась Гадасса. – С нашей скамьи виден весь царский дворец!

Она, не отрываясь, разглядывала картины из камня на дворцовых стенах. На всех был изображен царь Артаксеркс Великий: вот он охотится и руками разрывает пасти могучим львам. На его лице нет ни тени смятения или страха. Вот царь принимает дань от иноземных послов. Его гордый горбоносый профиль выражает не радость, а скорее досаду – уж слишком длинна вереница посланников.

На всех картинах Артаксеркс выбит очень крупно. Он кажется в два раза выше ростом и шире в плечах, чем остальные. Но больше всего воображение девочки поразила мощная мускулистая нога царя, открывающаяся при ходьбе из-под полы богатого одеяния. Одной такой ногой можно затоптать целую армию неприятелей.

– Царь и вправду такой большой? – тихо спросила Гадасса Мардохея. – Скажи, он огромный, как гора? Ты же видел его издали.

– Ну... да, он высокий. Еще его называют Лонгиманом – должно быть, у него длинные руки.

– Жаль, что мы его не увидим! – вздохнула Гадасса. – Я бы очень-очень хотела увидеть царя.

Одна из дверей в тронный зал была сегодня открыта для всеобщего обозрения. Издалека можно было разглядеть высокие колонны, инкрустированные красным камнем и перламутром. Их много, как деревьев в кедровом лесу!

Вход во дворец украшали огромные крылатые быки с человеческими боролатыми лицами. Если как следует взглянуть, можно было различить уже знакомый по каменным картинам разрез глаз и нос с горбинкой, небольшую бородку с мелкими, красиво завитыми кудрями, корону на голове в виде большого рога.

– А почему нигде нет изображения царицы Астинь? – спросила Гадасса. – Про ее красоту рассказывают легенды, почему же никто не выбил ее лица на камне? Все девочки в Сузах рисуют палочками на песке царицу Астинь, но она у всех выходит по-разному.

– Что ты хочешь от тех, кто поклоняется зверям? – чуть усмехнулся Мардохей. – Они бьют поклоны перед палками и камнями, которые называют божествами, а женщины для них – еще хуже собак...

– Как бы я хотела увидеть еще и царицу Астинь! – сказала со вздохом Гадасса. – Хоть бы одним глазком.

И почти сразу же за столом вдруг зазвенело тихим колокольчиком: Астинь, Астинь, Астинь!

А потом гораздо громче и настойчивее:

– Царица Астинь! Вы слышали? Сейчас сюда приведут царицу Астинь, чтобы показать ее красоту!

И на дворцовой площади отчетливо слышалось одно и то же: Астинь! Царь покажет нам сейчас царицу Астинь!

Мардохей удивленно посмотрел на Гадассу, будто она была виновата в переполохе. Но девочка только пожала плечами. Она уже привыкла к тому, что многие ее желания почему-то сразу же сбывались.

Гости за пиршественным столом пришли в сильное возбуждение, никто не хотел подниматься со своих мест прежде, чем приведут Астинь. Стражники начали подталкивать всех к выходу. Толпа на площади разволновалась еще больше, люди решительно хлынули во дворец, и стражники не смогли сдержать лавину любопытных.

Пришлось применять оружие, и вскоре в царском саду послышались крики и рев, вопли раненых, ругань охранников, стоны затоптанных стариков и крики потерявшихся детей. Гости опрокидывали скамейки, раскидывали посуду и кушанья. Из сада пирующие бросились назад к воротам, но не смогли пробраться на площадь из-за встречной толпы.

Возле Садовых ворот, откуда положено было покидать дворец, началась страшная давка. Стражники получили срочный приказ перекрыть все входы и выходы.

Паника нарастала. Все забыли про пир, даже про царицу Астинь... Главное теперь было – спастись, сохранить жизнь.

Мардохей схватил девочку за руку и побежал к выходу, но поздно: Садовые ворота оказались запружены людьми, пьяные начали драку с царскими стражниками.

– Другого выхода нет, попробуем выбраться через мои ворота, – прошептал Мардохей. – Теперь надо молиться Богу, чтобы нас не увидели в саду. Я знаю, как незаметно пробраться между кустами. Господи, спаси!

И Мардохей, пригнувшись, нырнул в кусты, потянув за собой Гадассу. Сейчас он думал только об обещании, данном дяде Аминадаву: сохранить это дитя даже ценой собственной жизни.

Помолившись, Мардохей побежал между деревьями и кустами жасмина, осторожно отводя от лица колючие ветки и стараясь как можно тише ступать по земле.

Сад, примыкающий к дальним воротам, был заброшенным и неухоженным. Мардохей слышал, что он оставлен в таком виде по приказу царя Артаксеркса – для домашней охоты. Если повезет, они быстро доберутся до ворот, где Мардохея знают все стражники. Все лучше, чем быть затоптанными пьяной толпой...

Вдруг Мардохей резко остановился. Рядом послышался шум и треск сучьев, словно навстречу им двигался крупный зверь – олень или медведь, но явно не человек.

Мардохей дернул Гадассу за руку и сам тоже упал в траву, вжался в землю, притаился. Он знал: иногда по недосмотру слуг из царского зверинца сбегают дикие звери. С величайшей осторожностью раздвинул Мардохей ветви кустарника и вдруг в нескольких шагах увидел... царя Артаксеркса – растрепанного, грязного, с перекошенным от гнева лицом.

Великий царь самозабвенно рубил ветки деревьев, топтал их ногами, рычал и что-то бормотал в ярости. Глаза его были красны, язык вывалился...

Гадасса сидела на корточках и в изумлении смотрела из-за кустов на странного человека, который вдруг принялся неистово топтать свой расшитый золотом плащ. Белые цветы жасмина кружились вокруг него, как снег, выпадающий в горах в самые лютые зимы. Ветки крошились под острым мечом, подобно телам лютых врагов.

– Кто это? – шепотом спросила Гадасса.

– Царь, – ответил Мардохей беззвучно, одними побелевшими губами.

По застывшему выражению его лица Гадасса поняла: сейчас нельзя задавать никаких вопросов. Она и сама догадывалась: если человек в венце их заметит, это будет означать верную гибель – никто из простых смертных не должен видеть лицо царя, а тем более такое лицо.

Мардохей бесшумно опустил ветки и начал молиться. А Гадасса никак не могла оторвать взгляда от страшной картины.

Вдруг царь остановился. Лицо его все еще было красным от гнева. Тяжело дыша, он беспомощно оглянулся по сторонам.

«Сейчас он нас заметит», – мысленно ужаснулась Гадасса.

Неожиданно из-за дерева появился старик. Он был такой худой и немощный, что ему приходилось прижимать к животу тяжелый кувшин, а через его плечо было перекинута узорное полотенце. Старик молча отер царю Артаксерксу лицо. Потом опустился на колени и принялся тщательно вытирать ему ноги, поднял с земли затоптанный плащ.

Царь что-то недовольно ему сказал, и они вместе скрылись за деревьями, закрывающими заднюю стену царского дворца. Мардохей схватил Гадассу за руку и быстрее рыси побежал к своим воротам.

По счастью, их сторожил сегодня добродушный Джафар. Он узнал Мардохея и без промедления выпустил его вместе с девочкой из дворца. Свобода!..

Мардохей без сил опустился на землю, прикрыл глаза. Вокруг было тихо. Пели птицы. Лишь в отдалении по-прежнему слышались крики, вой военной трубы, невнятные, гортанные возгласы. Каким-то чудом они сегодня остались живы, и это было самое главное.

– Не плачь, все уже позади, – сказал Мардохей, поворачиваясь к девочке. – Ничего не бойся.

– А я и не боюсь, – ответила Гадасса.

– Почему же ты плачешь?

– Мне... мне жалко царя.

– Почему?

– Оказывается, он такой маленький. Он даже ниже тебя ростом. И совсем одинокий. Мне жалко его до слез.

Мардохей настолько удивился этим словам, что не заметил самого главного: Гадасса произнесла длинную фразу ни разу не заикнувшись. Новое, только что пережитое потрясение сумело вытеснить прежний детский недуг. Щеки и нос девочки все еще были перепачканы землей.

Но Мардохея удивило загадочное сияние ее глаз.

– Я и так всегда знала, что ты, Мардохей, выше и сильнее царя. Мне лишь хотелось в этом убедиться, – сказала Гадасса так спокойно, будто и впрямь это она специально устроила весь этот кошмар во дворце. – Но почему ты так смотришь на меня, Мардохей? О чем думаешь?

– Так... Не знаю, – испугался Мардохей своих странных мыслей.

Он не стал говорить, что в очередной раз убедился: Гадасса любимица Того, Кто с готовностью выполняет любые ее желания, даже детские прихоти! Неужто сбываются все произнесенные ею вслух просьбы?

– Я хочу, чтобы ты тоже стал великим человеком, Мардохей. Ты больше других этого достоин, – серьезно проговорила девочка. – И ты должен помогать маленькому царю.

Мардохей рассмеялся, но Гадасса по-прежнему смотрела на него в упор, совершенно серьезно.

– Пообещай мне, пообещай, что не будешь называть меня царем, ладно? – проговорил он, наконец, отсмеявшись. – И не наказывай меня, возвеличивая перед другими. Сила твоя так велика, что ты, если захочешь, сама скоро сделаешься царицей, несмотря на твой... смешной, грязный нос.

Гадасса принялась сердито оттирать лицо – Мардохей никогда раньше не смеялся над ее внешностью. С его стороны это было похоже на...

4

...заговор и предательство.

Артаксеркс медленно обвел глазами всех сидевших вокруг его престола: то, что произошло сегодня во дворце, было похоже на заговор и предательство. Почему царица Астинь отказалась явиться на пир? Сейчас он не в силах был думать об этом здраво.

В голове царя крутилось лишь одно: предатели, все предали меня, выставили на посмешище... И те, кто сидел в тронном зале... И те, кто пожирал хлеб и соль с царского стола под шатром в саду... Женщины, напившиеся вместе с царицей сладкого вина и теперь хихикающие в дальних комнатах... Стены... Весь город... Надменные Сузы... Все! Все предали своего царя. Пусть никто теперь не ждет пощады.

Когда Артаксеркс Лонгиман вернулся в тронный зал, лицо его было спокойным, словно высеченным из камня. Плечи прикрывала новая накидка, расшитая драгоценными камнями. Ее принес Харбона вместо плаща, изрубленного на куски и затоптанного в землю.

– Что молчишь, старая сова? – тихо и устало сказал царь Харбоне в саду. Эти привычные слова означали: Артаксеркс наконец-то избавился от душившей его ярости. – Много лет я не слышал от тебя ни одного слова. Или у тебя от старости давно отсох язык?

Но Харбона молча поклонился и протянул царю полотенце вытереть потное лицо, а потом кувшин с вином. Царь отхлебнул вина. Вместе с первым же глотком к нему пришло спокойствие и холодная злость.

Артаксеркс вдруг словно прозрел и увидел то, что так долго было от него сокрыто. Все вокруг были предатели. И царица Астинь в первую голову. Никому нельзя верить. Никого нельзя любить. Ни жену, ни друга, ни слугу. Всякий, кто принялся бы сейчас убеждать Артаксеркса в том, что он сам поступил неразумно, призвав царицу красоваться перед князьями и пьяным народом, был бы немедленно зачислен в предатели и заговорщики.

Потому-то старый Харбона упорно молчал в саду, прикрыв глаза тяжелыми веками. Он слышал, как люди Каркаса, начальника дворцовой стражи, палками и мечами разгоняют взбесившуюся толпу, но и по этому поводу не проронил ни слова.

Князья персидские и мидийские, царские евнухи, даже Аман Вугеянин – все разом замолчали, когда Артаксеркс снова вошел в зал. Он казался еще более величественным и грозным, чем прежде. Всем своим видом молодой царь напоминал коршуна. Блестящая накидка на плечах колыхалась расправленными крыльями.

Что было у владыки на уме, когда он медленно вглядывался в побледневшие лица подданных? Его красные прищуренные глаза в этот момент казались нечеловечески зоркими и опасными.

Молчание длилось до тех пор, пока Артаксеркс сам не обратился к великим князьям с вопросом:

– Как поступить по закону с царицей Астинь за то, что она ослушалась царского слова, объявленного через евнухов?

Старые князья переглянулись, закачали головами и разом обернулись к Мемухану, который с невозмутимым видом поглаживал палку, словно заранее знал, что теперь без него не обойдутся.

Мемухан заговорил неторопливо, как бы в печальной задумчивости:

– Так-так-так, я так думаю: не только перед одним нашим владыкой виновата царица Астинь. Не только перед великими князьями, не только перед народом, который кричит сейчас под плетями и палками. Царица Астинь провинилась перед всеми народами, населяющими

сто двадцать семь областей нашего царства, перед тысячами тысяч мужей. Если рассказы о поступке Астинь дойдут до других жен, они начнут пренебрегать своими мужьями и будут оправдываться тем, что, мол, сама царица отказалась явиться перед лицо великого царя царей. Сейчас нужно думать, как не допустить пренебрежения женщин своими мужьями во всем мире. Так-то, вот так...

Стоило Мемухану закончить свою речь, которая, как всегда, поразила присутствующих немислимым размахом, князья утратили прежнее спокойствие. Оказывается, дело касалось и их личных гаремов.

– Так и будет, если мы сейчас промолчим! – вскричал самый молодой из князей, Каршена. У него был весьма обширный женский дом. – Теперь и наши княгини, и простые наложницы, узнав о поступке царицы Астинь, начнут выказывать нам непослушание. Мы перестанем быть господами в собственных домах!

– Дерзкая женщина! Это хуже, чем нож в печень! – встрепнулся вечно заспанный, ленивый Марсена со щелками вместо глаз.

– В наших краях неверных жен или плохих хозяек принято связывать по рукам и ногам и с камнем на шее бросать в реку. Чтобы не засоряли напрасно землю, не лишали ее плодородия, – вставил слово великий князь Шефар, гневно трясая узкой бородкой.

Несколько князей поддержали его одобрительными возгласами. Лишь князь Мерее, дальний родственник царя, молчал, сжав челюсти. Он боялся, как бы кто не вспомнил, что это он когда-то привез во дворец царицу Астинь.

– Как поступить по закону с царицей Астинь? – возвысил голос Артаксеркс. – Как поступить с царицей по закону?

Слово «закон» властным рыком разнеслось по тронному залу и сразу же направило речи князей в иное русло. Разумеется, Артаксеркс знал про восточный обычай топить в реке надоевших или провинившихся жен. Рассказывали, как однажды Ксеркс, вернувшись из неудачного похода, приказал завязать в мешки и бросить в воду сразу четырнадцать наложниц из своего гарема, которые чем-то провинились в его отсутствие. Но Артаксеркс ни в чем не желал повторять своего отца – тем более в низости и бессмысленной жестокости...

– Так-так-так... Если благоугодно царю, – подумав, сказал Мемухан, – должно выйти особое постановление, которое следует вписать в законы персидские и мидийские. Постановление о том, что Астинь никогда больше не войдет пред лицо Артаксеркса Великого, а ее царское достоинство владыка передаст другой, которая будет лучше ее.

Царь сидел безмолвно и лишь страшно вращал глазами. Мемухан посчитал нужным прибавить:

– Когда все наши жены услышат об этом, они будут еще больше почитать своих мужей. И всякий муж останется господином в своем доме.

И тогда в знак согласия Артаксеркс Великий поднял свой скипетр и указал на Зефара, главного дворцового писца. Ему было велено срочно приступить к составлению указа, о котором сказал великий князь Мемухан.

Царский евнух Авагф проследил за отправкой нового постановления во все области Персидского царства. Указ о том, что Астинь больше не является царицей, Артаксеркс скрепил перстнем с печатью со среднего пальца. Перстень снимался туго – в него успела забиться земля из царского сада. Царь с силой рванул его с пальца. И тогда с царского мизинца упало еще одно кольцо – небольшое, оправленное голубыми лазуритами – подарок от царицы Астинь.

Но никто и не подумал поднять его с мозаичного пола, даже Харбона. Прижав кувшин с вином к животу и незаметно покачивая его, чтобы вино весь день оставалось теплым и пенистым, Харбона стоял возле колонны в печали. Он многое знал наперед и умел...

Глава третья

Загадка Абихаила

1

...разгадывать загадки.

Абихаил был самым младшим среди трех братьев и больше всех любил загадывать загадки, складывать притчи и толковать сны. Иногда Абихаил выражался так путано и пел такие бессмысленные песни, что его не понимали даже родные братья.

Средний брат – здравомыслящий и расчетливый Иаир – наотрез отказывался понимать такие «глупые глупости». Старший брат Аминадав, мудрому спокойствию которого могли бы позавидовать многие из столетних старцев, выслушивал загадки и песенки Абихаила, но с немалым для себя усилием.

Три родных брата-иудеянина, из колена Вениаминова, родились и жили в Сузах. Их отец еще в молодые годы перебрался сюда из Вавилона. Как теперь оказалось, выбор города для торговых дел был сделан наилучшим. Братья унаследовали от отца небольшую лавку, где неплохо торговали тканями, пуговицами и нитками – как для плетения тонких женских накидок, так и для рыболовных сетей. Вскоре усилиями Иаира дело стало приносить куда более твердый доход.

Говорят, Иаир Иудеянин даже родился на полу в отцовской лавке: мать как раз зашла за куском полотна, когда у нее внезапно начались родовые схватки. Впоследствии он оказался самым смысленным и расторопным в торговых и денежных делах. Зато Аминадав, несмотря на тихий нрав, был человеком дружелюбным и общительным. Он ревностно следил за соблюдением субботы и главных праздников. Не исключено, что торговые дела в лавке шли как нельзя лучше и благодаря его старательным молитвам.

Младший Абихаил очень рано выучился читать и первое время радовал домашних своей редкой смысленностью и знанием историй из жизни предков. Впрочем, вскоре выяснилось, что многие истории Абихаил выдумывал сам и выдавал за подлинные, уверяя, будто вычитал их в древнем свитке, который от ветхости рассыпался в пыль в его руках.

Абихаил появился на свет, когда родители уже не ждали детей. К тому времени они были немолоды, и старший брат Аминадав с первых же дней стал мальчику воспитателем наподобие отца. Иаир с усердием занимался торговыми делами и старался за троих, радуясь, что никто не путается в его расчетах. Разумеется, братья не воспринимали всерьез выдумки и сказки младшего. До тех пор, пока Абихаил не объявил, что собирается пойти пешком в Иерусалим, к землям предков.

В поход он выходит завтра на рассвете, и у него все для этого готово. Затем Абихаил с готовностью показал братьям холщовый мешочек, в котором лежали несколько сухих пресных лепешек, горсть засахаренных фиников, до которых он был большим охотником, сосуд для воды и большой нож.

– Ножом я буду отбиваться в дороге от разбойников, – пояснил Абихаил старшим братьям. – Я пойду, как Авраам. Если хотите, я вас тоже выведу из чужих земель в края, где течет молоко и мед. Там у нас будут и тук, и виноград, и масло. Так что собирайтесь, братья мои, в дорогу. Хватит сидеть в гнусном каменном городе!

– Тебе не нравятся Сузы? Разве ты не любишь наш дом, нашу лавку? – осторожно спросил Аминадав.

На голом черепе Иаира, где с молодых лет почему-то было совсем мало волос, сразу же начали вздуться жилы.

– Я ненавижу этот надменный город, и наш серый дом из камня, и особенно нашу лавку, набитую тряпками и пуговицами! – горячо воскликнул Абихаил.

Прозвучало это совсем по-детски, хотя над верхней губой у него уже начали пробиваться усы.

– Я задыхаюсь здесь, и все внутри меня словно горит огнем! Зачем нам оставаться здесь, братья? Предки Авраама тоже когда-то жили в здешних местах, в древнем Уре, недалеко от залива. Но в один прекрасный день они встали и ушли в Землю обетованную...

– Вот и шагай один с двумя сухарями в мешке! – вскипел после таких слов Иаир. – Шакалы в пустыне будут тебе проводниками!

Братья привыкли прощать Иаиру его злой язык. Что делать? Ведь в их роду среди далеких предков числился тот самый Семей, который тяжко злословил против самого царя Давида и был наказан за свою неводержанность царским сыном, премудрым Соломоном. Так что, если как следует разобраться, Иаир был не слишком виноват в том, что через много поколений именно в его жилах оказалась желчная Семеева кровь, доставляя окружающим немало огорчений.

А вот Аминадав сильно опечалился. Он чувствовал свою вину за то, что плохо научил Абихаила разбираться в жизни. Ведь именно он в последнее время занимался воспитанием младшего брата вместо умерших от старости родителей.

Не только Аминадав, но и все другие иудеи в Сузах хорошо знали: все, кто вернулся в Иудею после Вавилонского плена, пребывали там пока в великом бедствии и унижении. Стены Иерусалима были разрушены до основания, ворота сожжены, от великого храма осталась лишь гора камней. Сейчас иерусалимские иудеи взялись за восстановление храма – даже возвели стены и крышу. Но Тот, Кто прогневался на них, еще не вернул им Своей милости...

Про это много рассказывал на субботних собраниях Уззииль, родной брат которого переехал с семьей в Иерусалим и слал оттуда просьбы о помощи.

– Здесь мы пока нужнее, чем там, – говорил Уззииль, который ради брата продал большой дом в Сузах и перебрался в более скромное жилище. – Кто, если не мы, сможем поддержать строителей храма? Кто кроме нас переправит в Иерусалим серебро и зерно, чтобы они там не умирали от голода? Какой смысл нам всем вместе погибнуть на родине предков, если здесь мы можем делать полезное и доброе для своих далеких братьев?

Так повелось, что каждую субботу многие из иудеев собирались в домике Уззиля и проводили весь день в молитвах, пении псалмов и рассказах о прежних временах, находя в этом немалое для себя утешение.

Вот и Абихаил тоже неоднократно присутствовал на таких собраниях, все слышал, но понял по-своему. А точнее – совсем ничего не понял. Он усвоил, что до Иерусалима можно добраться на лошадях и верблюдах, как добирались люди, доставлявшие в Сузы слезные прошения. И все потому, что, несмотря на усы над губой, Абихаил оставался в сердце своем неразумным ребенком.

– Что же ты собираешься делать на развалинах Иерусалима? – насмешливо спросил брата Иаир. – Жевать горькую полынь? Если хочешь, я могу хоть сейчас принести тебе из оврага целый пучок. Можешь и здесь обедать травой вместо мяса, хлеба и яиц. А ведь ты, Абихаил, сыт каждый день только потому, что я хорошо торгую тканями и ненавистными тебе пуговицами. Ты ругаешь лавку, которая тебя кормит! Еще одно слово – и больше не сядешь за общий стол, неблагодарный змееныш!

– Не попрекай ребенка куском хлеба! – вмешался Аминадав. – Он хоть и вытянулся ростом до наших плеч, а сам еще не ведает, что говорит.

Он не стал добавлять, что младший брат родился у отца, когда тот уже был не в своем уме и заговаривался. Иаир сам вспомнит.

– Разве наш мальчик виноват в этом? А дорога в иудейские земли трудна и далека. В одиночку туда добраться невозможно, запомни это, Абихаил.

– Нет, возможно, – живо возразил Абихаил. – Еще как возможно! Я слышал, что нужно все время идти в ту сторону, где заходит солнце. Солнце как ворота, которые нельзя терять из вида, – вот что самое главное. Я все продумал: днем, когда солнце стоит высоко над головой, я буду спать в тени камней, а как только оно начнет краснеть и прятаться за край земли, я буду подниматься на ноги и идти дальше. С такой хитростью я без труда пересеку пустыню...

– И попадешь на тот свет! Даже если тебя не укусит змея, когда будешь лежать под камнями, и не загрызет ночью голодный шакал, ты все равно погибнешь от голода и холода, – dokonчил за брата Иаир. – Неужто ты, мой братец, настолько глуп, что надеешься в одиночку перейти пустыню? Да ты, Абихаил, просто болен опасным безумием!

– Мой мальчик, ты говоришь «пересеку пустыню», будто это двор нашего дома, – спокойно сказал Аминадав, который вообще редко повышал голос и считался тишайшим из людей. – А знаешь ли ты, что такое пустыня? Ты будешь видеть перед собой зеленые поля и овечек, но при приближении этот мираж окажется кучкой засохшей грязи...

– ...Или вонючего дерьма шакала! – не удержался Иаир. – Вот тогда ты сразу вспомнишь и про мой хлеб, и про мои пуговицы. Да-да, ты их все сразу вспомнишь, все до одной – и с двумя дырочками, и с четырьмя дырочками, и с ушком, и с перламутровым узором, и крупные, и мелкие, и бисерные... Ты будешь видеть их у себя под ногами и мечтать хотя бы одну поднять с земли, но у тебя в руках окажется вонючее...

Иаир распалился не на шутку, но, заметив строгий взгляд Аминадава, осекся на полуслове. Он вспомнил, что снова перебил старшего брата.

«Глупца убивает гнев, а несдержанного губит излишний пыл», – так нередко говорил Аминадав Иаиру, и тот время от времени все же вспоминал его уроки.

– Знай, мой мальчик: только бедуины умеют пересекать великую пустыню на верблюдах. Они передвигаются большими, очень большими караванами, – ровным, ласковым голосом продолжил Аминадав. – Они возят с собой ослов, кур, собак, большие бурдюки с водой, потому что верблюды для них – все равно чтодвигающиеся дома.

– Тогда я попрошусь к ним в караван и поеду с бедуинами!

– Ничего не получится. Эти люди молятся своим, пустынным богам. Как только они увидят, что ты молишься нашему Богу, они тут же убьют тебя или бросят на полпути, что тоже равносильно смерти.

– Зачем ты мне все это рассказываешь, Аминадав? Я тебя не узнаю! Ты же сам говорил: есть ли что трудное для Господа? – с обидой в голосе воскликнул Абихаил. – Тогда я буду как Моисей, и передо мной расступятся красные пески пустыни, как морские волны.

– Никто не может сам себя назначить в пророки, – смущенно пробормотал Аминадав, по привычке разглаживая свою раздвоенную бороду, которая в то время была наполовину седой, а наполовину русой, в мелких, золотистых кудрях.

Эта борода словно бы вытекала из уст Аминадава, как тихая река, которая потом разделялась на два потока, и добрый, улыбчивый рот служил ее истоком.

– Иди, но знай, что от меня ты не получишь даже дыма от очага! – сердито отрезал Иаир. – Тебе ведь и без того каждую ночь на голову будет сыпаться манна небесная. Будешь варить ее в котле, делать сладкие лепешки и похлебку. Не забудь только взять с собой большую ложку!

– Говори, что угодно, брат, но я все равно не буду жить в каменном городе и торговать гнилыми нитками! Я хочу, как мои предки, сажать плодовые деревья, разводить овец и во время молитвы видеть перед глазами реки и холмы, а не зубцы царских башен. Раз вы так

говорите, тогда я сам накоплю много денег, куплю себе верблюдов, большой бурдюк для воды и все равно когда-нибудь уеду.

– Вот это дело! – обрадовался Аминадав. – Верблюды дорого стоят. Тебе, мой мальчик, придется долго трудиться.

Признаться, он испугался тогда за младшего брата. Тот говорил с опасной горячностью, глаза его неистово сверкали, а в уголках рта собралась белая пена, как у безумного.

Иаир хотел добавить еще что-то ядовитое, но не успел.

– Оставь его, – тихо шепнул ему Аминадав. – Это я виноват, что не сумел до конца понять его помыслы. Теперь я буду внимательнее, нельзя, чтобы наш брат сделался невменяемым.

И Аминадав сдержал свое слово. Со временем он смог гораздо глубже проникнуть в душу Абихаила, научился влиять на него своими советами. Когда тот стал взрослым юношей, а Аминадав – почти стариком с раздвоенной седой бородой, мудрый старший брат решил не удерживать Абихаила в Сузах.

Как следует посоветовавшись, братья купили Абихаилу домик в селении, расположенном в двух днях пешего пути от столицы, помогли развести ему коз и овец, насадить садовые деревья и даже наладить торговлю самыми простыми тканями и нитками, необходимыми селянам и местным рыбакам. Все это придумал мудрый Аминадав. Трудно было лучше устроить судьбу младшего брата.

Абихаил теперь жил на свободе, без лишней печали и нужды и больше не рвался с одним посохом убежать в пустыню. Он перестал рассуждать про покупку верблюдов для каравана и вскоре женился на женщине по имени Анна, тоже из иудеев.

Они прекрасно зажили вдвоем в новом доме со всеми своими козами, овцами, курами, петухами и дворовыми собаками. Иаир тоже был весьма доволен судьбой брата: сельская лавка вскоре даже стала приносить доход. По крайней мере, не была ему в убыток. Аминадав тихо радовался, что ему все же удалось выполнить завет отца и позаботиться о младшем брате, который с самого детства был не такой, как все, с большими странностями.

К сожалению, Анна оказалась женщиной бесплодной. Но Абихаил несколько не печалился по этому поводу. Они старались не говорить об этом, хотя порой они вместе...

2

...сидели и плакали....

На реках Вавилонских сидели мы и плакали,
Плакали, когда вспоминали о Сионе.
Там на ивах повесили мы арфы наши,
Потому что те, кто нас пленил, просили от нас песен,
А те, кто над нами глумился, – требовали веселья...

– Нет, нет, не надо больше песен, расскажи лучше про дорогу. Я люблю слушать про дороги. Она ведь была длинной, та дорога, да, дядя Абихаил?

– Да, очень длинной. Потому что путь вел через непроходимую сирийскую пустыню. Сначала пришлось все время идти на север, потом, наоборот, свернуть на юг, к Земле обетованной...

– Почему ты не рассказываешь про реку? Ты снова перескакиваешь, дядя Абихаил! Я сейчас сам заплачу или вообще не буду слушать. Ты должен был сначала рассказать про реку. Если бы не было реки, все бы сразу умерли от жажды.

– Конечно, приходилось сотни верст идти вдоль реки, а как же иначе? Ведь люди не выдержали бы такого долгого перехода без воды. О, это был поистине великий переход!

– Почему ты только сейчас называешь его великим? Ты должен был сказать это еще в самом начале. Я хочу, чтобы ты все рассказывал по порядку, дядя Абихаил, все-все, как вчера. И не торопись так сильно!

– Конечно, великий переход, а как же! Ведь этот поход возглавлял потомок Давида – Зоровавель. С ним шли верховный священник Иошуя и главы поколений Иудиных и Вениаминовых. Они везли с собой указ, по которому Кир, персидский царь, разрешал снова восставить храм в Иерусалиме. В отдельных повозках люди везли храмовую утварь, всевозможные золотые светильники, жертвенные чаши, которые грабитель Навуходоносор когда-то вывез из Иерусалима в Вавилон и раздал в храмы чужих богов. Но Кир, первый и лучший среди персидских царей, распорядился вернуть назад все наши храмовые ценности и даже пожертвовал свое личное золото для постройки нового храма на прежнем месте...

– Но ведь ты говорил, что Кир никогда не верил в нашего Бога! Эй, Абихаил, ты снова закрыл глаза и начинаешь засыпать. Ты забыл рассказать про Кира.

– Что? Ах да, он не верил... Нет, не верил, конечно. Но Кир был самым умным из царей и на всякий случай старался не гневить богов. В том числе и нашего, Который охраняет Иерусалим. Ведь Кир поклонялся также и Мардуку, главному богу вавилонскому, и другим тоже...

И дядя Абихаил, изо всех сил борясь с одолевающим его сном, закатил глаза, ударил по струнам маленькой кифары и пропел высоким, надрывным голосом, которого Мардохей почему-то всегда пугался:

Ой-ой-ой!
Они кланяются раскрашенным деревяшкам,
У палок просят ответа,
Воскурят ладан перед истуканами.
Ой-ой-ой, кто же ввел несчастных
В такое заблуждение?..

Песня закончилась, но Абихаил по-прежнему не открывал глаза. Мардохей испугался, что сейчас дядя совсем заснет, так и не досказав до конца его любимую историю про великий переход из Вавилона в Иерусалим, которая была не сказкой, а потому лучше всякой сказки.

Ведь получается, что эта история была и про него, про Мардохея, сына Иаира из колена Вениамина. Это он, Мардохей, тоже шел во главе огромного многотысячного каравана вместе с Зоровавелем и первосвященником!

Мардохей мог по несколько раз в день снова и снова представлять в мельчайших подробностях это удивительное путешествие. С отчетливостью, на которую способны лишь маленькие дети и провидцы, он видел перед собой густые столбы пыли из-под лошадиных копыт, чувствовал на зубах скрип песка и невыносимую жажду в пересохшем горле, слышал множество голосов...

Ему поневоле приходилось повышать собственный голос, чтобы его спутник, дядя Абихаил, мог расслышать его вопросы из-за ржания лошадей, блеяния овец, лая собак...

– Я тоже ехал на коне? Скажи, я ведь был на коне, да? – спрашивал Мардохей.

Хотя ребенок и так прекрасно знал ответ на свой вопрос: как раз сейчас он видел перед глазами круглую колючку, вцепившуюся в конскую гриву.

– Да, все старики, женщины и дети ехали верхом или на повозках, – сонно бормотал Абихаил. – А мужчины шли пешком. Даже потомок царя Давида...

– Значит, я тоже шел пешком! – возмущенно воскликнул Мардохей.

Дядя Абихаил на какое-то время даже очнулся и беспомощно заморгал глазами.

– Потому что это я сейчас маленький, а тогда был взрослым мужчиной, разве ты забыл?

– Ох, да-да, ты прав, – послушно закивал головой Абихаил. – Просто я немного задремал...

Он уже много раз рассказывал Мардохею историю про возвращение иудеев из Вавилонского плена. Много тысяч людей составили первый большой караван переселенцев. Имена тех, кто на свой страх и риск пошел в земли отцов с Зоровавелем, передавались из уст в уста. Чаще других повторяли имена Иисуса, Неемии, Сараима, Реелая, Билшана, Мисфара, Бигвая, Рехума, Ваана... Был среди них и Мардохей. Должно быть, это был тот самый, известный среди вавилонских иудеев книжник Мардохей, от которого и пошло не вполне иудейское, но быстро ставшее распространенным среди иудеев имя, доставшееся теперь в Сузах одному из сыновей Иаира.

Но все же Абихаил всякий раз забывал, что его племянник слушает эту историю с таким чувством, как будто тот Мардохей – он сам. Теперь уже трудно разобраться, что так сильно подействовало на ребенка: сходство в имени или врожденная тяга к дальним странствиям и приключениям.

– Разумеется, ты тоже шел пешком, – улыбнулся Абихаил. – И впереди всего каравана. А теперь пойдем спать, а то меня совсем сморило.

– погоди! погоди еще немного! – чуть не плакал Мардохей. – Ты только начал и не дошел даже до середины! Ты не рассказал самое смешное, как другие народы сильно пугались и хватились за мечи, завидев издали огромную толпу незнакомых людей...

– ...А потом видели, что ни у кого в руках нет оружия, а только гусли, бубны и тимпаны, и многие люди из каравана пляшут, ликуют и поют радостные песни... Все. Теперь мы будем спать. Больше не скажу ни слова.

– А завтра ты мне расскажешь про дорогу? Дядя Абихаил, хоть когда-нибудь ты мне расскажешь эту историю до самого-самого конца?

– А? Да-да, расскажу. Ой-ой, как мне сегодня продуло ухо! Словно кто-то тычет в него раскаленной палкой.

Пока Абихаил возился с больным ухом, закапывая в него льняное масло, Мардохей заснул.

«Только дети умеют засыпать так быстро, успокоенные и согреты дыханием Божиим, – подумал Абихаил. – Только дети и святые».

Он и сегодня нарочно не стал досказывать, чем закончился великий переход. Пусть в воображении Мардохея этот путь продолжается, пусть он видит впереди дорогу – бесконечную, пыльную дорогу...

Абихаил знал: вместо сказочной страны, где «течет молоко и мед», переселенцы увидели сплошные руины. Здесь давно не было никакого города, а возвышался лишь пустой холм, по грудам камней на котором можно было приблизительно догадаться, на каком месте прежде стоял храм, а где возвышались дворцы. Вокруг холма не было ни стен, ни ворот, ни малейшего укрытия от врагов. С его вершины на всем обозримом пространстве давно не было ни прежних плодородных пашен, ни виноградников, ни садов. Десятки лет никто не возделывал эти земли. Десятки лет здесь никто ничего не строил. Те немногие из иудеев, кому в свое время чудом удалось избежать плена, жили в постройках, больше напоминающих шалаши, и в лучшем случае разводили овец и коз.

В самом Иерусалиме со времен войны не осталось ни одного целого дома: нужно было все начинать заново, с обжига первого кирпича. На земле предков не осталось ничего, кроме самой земли. И тогда переселенцы перестали петь песни и ликовать. Они поняли: Господь приготовил им не награду, а новые испытания, неизмеримо большие, чем выдались во время многодневного похода.

И сказал Бог устами первосвященника: «Пока есть земля – подножие Его, то будут на этой земле пребывать избранники Яхве, которых Он нарочно снова собрал вместе от востока, от севера и от моря, чтобы в очередной раз проверить крепость Своего народа...»

Абихаил почувствовал, что глаза его увлажнились. Мардохей уже давно спал и, скорее всего, снова видел во сне дорогу. А он, Абихаил, из-за своей слабости и многочисленных телесных хворей так и не добрался до горы Сионской.

Когда-то он послушался благоразумных братьев и никуда не пошел. Конечно, они по-своему правы: в любом месте можно молиться Господу, Он слышит всякую искреннюю молитву. К тому же многие в Иерусалиме живы лишь той милостью, которая приходит из дальних городов от рассеянных по всей земле иудеев, в том числе и от Аминадава, Иаира и Абихаила. Нет никакого смысла отправляться в путь. Все так, все так... Но что-то все равно не так.

Абихаил вздохнул и погасил свечу. «Ночь спустилась на землю, и для всех детей Авраамовых наступило время мирного сна», – с умилением подумал Абихаил, глядя на спящего Мардохея, которого он почему-то любил больше всех остальных детей Иаира.

Абихаил хотел бы еще поразмышлять о приятном, но ему мешало больное ухо. В последнее время он сильно мучился от нарывов в ушах, все хуже различал далекие, загадочные голоса и призывы, которые слышал в годы своей юности.

«Мы – рабы, но и в рабстве не оставит нас Бог наш, – последнее, что пришло на ум Абихаилу, когда он поудобнее улегся и почти заснул. – Потому что все равно каждый из нас для Него...»

3

...лучше десяти сыновей».

«Я один для тебя лучше десяти сыновей», – так обычно говорил Абихаил своей бесплодной жене Анне, желая ее хоть как-то утешить.

Абихаил от природы был человеком незлобивым. В селении многие его любили. Не всякий давал беднякам займы столько ниток и тканей, а нередко и вовсе прощал долги, поясняя, что именно так велел поступать его невидимый Бог.

По праздникам Абихаил вместе с женой приезжал в город к братьям. А иногда те сами являлись в селение на берегу реки и привозили новые ткани, нитки и шнурки для лавки, где хозяйничала в основном Анна. Причем делала это с охотой и даже с радостью.

Абихаил же все больше сидел в своей комнате на маленьких подушечках, скрестив ноги, и вслух рассуждал о самых невообразимых вещах, пел под кифару песни и почему-то все чаще говорил присказками и загадками. Как-то он признался братьям, что реже, чем прежде, слышит в воздухе незнакомые голоса, споры, призывы и потому ему приходится чаще самому напоминать о себе.

– Все его силы уходят на пустую болтовню, – сказал однажды старшему брату Иаир, кивая на лежанку, где Абихаил сидел в своей любимой позе, скрестив ноги, и что-то увлеченно рассказывал маленькому Мардохею.

– У него все пошло в слова, – осторожно поправил брата мудрый Аминадав. – Он весь – одни говорящие уста, и тут мы бессильны что-либо изменить.

– Бедная Анна! – вздохнул Иаир. – Только я один могу понять, каково ей управляться за всех в лавке. Кто бы мог подумать: она научилась торговать с неплохим прибытком, даже не спрашивая у меня никаких советов. Иногда я наблюдаю за ней потихоньку... Странная у Анны улыбка, будто бы она вот-вот заплачет.

– Что и говорить, это Господь послал нашему Абихаилу в утешение такую жену. Он как младенец, примостившийся на теплом животе у нашей Анны, – улыбнулся Аминадав. – Ты заметил, каким наш брат в последнее время сделался кудрявым и круглым?

– Да, лепечет он и впрямь что-то младенческое. Хорошо еще, не пускает ртом пузыри. Но вот что странно: рядом с Анной даже я, муж, так сказать, в преклонных летах, у которого на голове не осталось ни одной волосинки, чувствую себя неразумным дитятей. Боюсь лишний раз пошуметь на братца, сдерживаю в себе гнев... А ведь ты сам говоришь: во мне все чаще по поводу и без повода вскипает Семеева желчь. Нет, Анна не похожа ни на одну из женщин, которых я когда-либо встречал.

– Ты это точно заметил, Иаир, – согласился Аминадав. – Я на двенадцать лет дольше тебя живу на свете, но могу сказать про Анну то же самое. Она и для меня как мать. Большое горе, что у нее нет своих детей...

– Зато мой Мардохей так и не отходит от Абихаила. Слушает его заунывный вой под кифару. Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, но я молчу, Аминадав, и, как ты можешь догадаться, терплю все это из-за Анны, которая ласкает и балует моего мальчишку, как собственного сына.

Больше всех других племянников Абихаил был привязан к Мардохею. Хотя часто его поддразнивал, говорил, что его имя – персидское и означает «поклонник Меродаха». Или называл его вавилонским в честь главного вавилонского божества Мардука, враждебного праведным иудеям. Зато в утешение потом он рассказывал маленькому Мардохею про переселенцев, про дорогу и про того Мардохея, который шел впереди каравана.

– Да, я пристрастен к Мардохею более других моих племянников и вовсе не скрываю этого, – говорил Абихаил братьям. – И что с того? Сам Господь не стесняется быть пристрастным и непоследовательным в Своих милостях. Он учит нас не только скромности и воздержанию, но и показывает, как далеко могут простираться Его милости. Будем же и мы, братья, такими же свободными и пристрастными! Разве не в этом счастье? И не смотрите на меня так строго. Совсем скоро вы узнаете от меня такие известия, что от изумления вскочите с мест и тоже будете вести себя с пристрастием...

– Ты снова говоришь загадками, Абихаил, – сказал Аминадав, поглаживая бороду, уже редкую и седую, похожую на медленно пересыхающую реку. – Что еще за новости ты для нас приготовил?

Но Абихаил только смеялся в ответ и хлопал в ладоши.

– Всему свое время, – говорил он. – Для начала нам всем нужно дождаться, когда наступит...

4

...время бурных ветров.

Наступил осенний месяц афаним, который называют также месяцем бурных ветров. Это время приносит с собой обильные дожди, разливы рек и повсеместное бездорожье.

В девятый день афанима, когда все иудеи отмечают Иом кипур – день покаяния, Аминадав с самого утра проснулся с неприятным сердцебиением, пересохшей гортанью и сильным головокружением.

«Когда-нибудь все равно придется умирать, – спокойно подумал он. – Почему бы не сегодня, в праздник покаяния и отпущения грехов, когда все мои братья с женами и детьми, веселые и нарядные, соберутся в моем доме? Можно ли придумать что-то лучшее для последнего дня жизни? Славно умереть в тот день, когда все говорят друг другу покаянные слова и прощают друг друга!»

Аминадав омыл лицо, с чувством помолился и принялся поджидать у окна младшего брата Абихаила вместе с Анной. Сегодня они непременно приедут в Сузы.

Сколько Аминадав помнил себя, Абихаил ни разу не пропустил этого праздника и часто называл его лучшим днем в году, когда любой человек может словом очиститься от внутрен-

ней скверны. Аминадав прождал до вечера, но младший брат так и не появился. Похоже, его повозка застряла где-то на грязной дороге или же он не смог выехать из дома из-за разлившейся после дождя реки. Старшие братья отметили праздник. После вечерней трапезы и кубка вина Аминадав передумал умирать: ведь он еще не повидался с младшим братом, который всегда был ему вместо сына и кому следовало сказать еще немало важных напутствий.

Тихо и печально было в этот день за праздничным столом без Абихаила и Анны, хотя детей, как всегда, собралось много. Но перенести вечернюю трапезу было невозможно, таково постановление для всех иудеев: в седьмой месяц, в девятый день месяца всем вместе смирать души и с вечера до вечера не делать никаких дел. Потому что в этот день трудится только Господь, очищая людей от грехов. И даже старики в этот день становятся невинными, как дети. Но без говорливого Абихаила и тихой Анны все было не то, не так...

Через пять дней начинался другой великий праздник – Праздник кущей, который продолжался целую неделю. Эти дни без Абихаила и вовсе никто не мог себе представить! Накануне он всегда приезжал в Сузы на повозке, нагруженной большими пальмовыми ветвями, сухими колосьями и незнакомой душистой травой. Вместе с детьми он тут же принимался за строительство шалашей и очагов из камней во дворе.

Семь дней, пока продолжалось празднование, всем желающим разрешалось жить в шалашах под открытым небом в память о том, как когда-то Господь вывел сынов Израилевых из Египта и поселил в кущах. Абихаил всегда ночевал в шалаше вместе с детьми. Как было весело, когда он разводил во дворе костер, выпекал на камнях пресные лепешки, пел песни, глядя на звездное небо.

Даже когда шли дожди, дядя Абихаил не изменял этому правилу и семь дней жил в шалаше, снова и снова переживая счастье освобождения от рабской доли. К счастью, пятнадцатого дня седьмого месяца дождевые тучи на небе рассеялись. Погода выдалась замечательная.

Но Абихаил и Анна и тогда не появились в Сузах, от них не пришло никаких известий. Это было так странно, что старшие братья терялись в догадках. Иаир по привычке рассердился на Абихаила, который «не может оторваться от подушек, набитых утиным пухом», а Аминадав опечалился и обеспокоился.

В семнадцатый день афанима Аминадав не выдержал: проснувшись на рассвете, он почувствовал, что сердце его устало томиться в ожидании. Тогда он приказал запрячь повозку, взял с собой двух слуг, потому что сам уже с трудом удерживал вожжи, и поспешно отправился за город. Он ничего не сказал Иаиру: побоялся, что тот его не отпустит, потому что ночью снова лил дождь и мог размыть дороги.

«Я еще вон когда собрался умирать, – подумал Аминадав. – А мне все некогда, хотя голова с каждым днем кружится все сильнее. Медленно уходит из меня душа, по ночам сильно ноют кости, словно кто-то грызет меня изнутри. Но разве могу я распрощаться с жизнью, не повидав Абихаила? Придется мне самому к нему ехать, а уже после этого спокойно умереть...»

Но самое главное, что в одну из бессонных ночей в сердце Аминадава прокралась страшная догадка. А вдруг на самом деле случилось то, чего он многие годы так боялся? Что, если Абихаил все же решился исполнить свое давнее намерение и отправился вместе с Анной в Иерусалим, на родину предков? Не зря он в последнее время больше прежнего говорил загадками и был весел. Если так, то он выбрал для похода самый неудачный дождливый месяц. Но это как раз в духе Абихаила.

Не готовил ли он всех к этому известию своими присказками и загадками? Увы, увы, все это было чересчур похоже на правду... Аминадав припомнил, что в последнее время Абихаил казался братьям все более странным и непостижимым. Порой он настолько непонятно выражал свои мысли, что доводил Иаира до белого каления. Особенно два последних раза, когда приезжал без Анны, ссылаясь на то, что она занята делами в лавке. Абихаил снова, как

в прежние годы, несколько раз назвал себя Авраамом, а жену свою Саррой. И опять с многозначительным видом сообщил, что вскоре братья узнают такое, чего никак не ожидают узнать.

Теперь Аминадаву стало ясно: произошло то, что должно было случиться, – неотвратимая разлука. И он не успел проститься с братом перед дальней дорогой. Перед собственной дальней дорогой – ведь он собрался в края еще более дальние, чем Иерусалим.

«Кто, кроме Него, знает: откуда берется в нас дыхание? И откуда вдруг появляются кости в беременной утробе? И куда Он направит наши тяжелые стопы дальше? – сказал во время прощания с братьями Абихаил с таким лукавым видом, словно вопросы содержали подсказку к его тайне. – Куда направит Он наши тяжелые стопы дальше?»

Чем больше размышлял в дороге Аминадав о загадках Абихаила, тем настойчивее приказывал слугам торопить коней, хотя и понимал, что вряд ли сумеет изменить неизбежный ход событий. Повозка застревала в грязи, то и дело приходилось останавливаться и вытаскивать колеса из колеи. Похоже, слуги впервые в жизни слышали от своего спокойного хозяина такие нетерпеливые окрики вперемешку с молитвами и непонятными причитаниями.

Дом Абихаила Иудеянина стоял на самом краю селения. Из-за дождя улицы были пустынные, возле домов не было видно ни детей, ни женщин. Наконец Аминадав добрался до нужного дома, постучал в ворота, но никто не отозвался на стук, даже собака не залаяла.

– Опоздал, все кончено, – прошептал Аминадав. Прислонившись спиной к забору, он присел на корточки. У него вдруг не стало сил держаться на ногах. Слуги молча глядели на него из повозки. Возничий даже не выпускал вожжи из рук, догадавшись, что сразу же придется отправиться в обратный путь.

– Нужно сказать Иаиру, чтобы поскорее сюда приехал, – горестно размышлял вслух Аминадав, словно хозяйственные хлопоты могли принести ему утешение. – Быть может, в доме еще остались ценные вещи. Абихаил плохо разбирался в хозяйственных делах, потому что я плохо его этому научил. Он ведь и воробья всегда считал полезнее курицы, а лучшие ткани раздавал даром. Господи, почему ты не дал мне проститься с любимым братом? Почему он сбежал от нас с Иаиром, как убегают от разбойников?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.